Нынче у нас передышка

Андрей Александрович Ковалевский

SHOUT
SHARE
IT

- Андрей Александрович Ковалевский. Нынче у нас передышка
  - НЫНЧЕ У НАС ПЕРЕДЫШКА…
    -
    - Д. Гранин. Вступительная статья
    - Тетрадь № 1
    - Тетрадь № 2
    - Тетрадь № 3
    - Тетрадь № 4

Андрей Александрович Ковалевский. Нынче у нас передышка

НЫНЧЕ У НАС ПЕРЕДЫШКА…

Даниил Гранин: Тамань, Самбор, Тропау, Краков, Прага — путь лейтенанта Ковалевского, ордена, медали — все как положено. После войны он продолжал служить в армии оружейным специалистом, демобилизовался в 1956 году и занялся любимым делом — охотой, был змееловом в Киргизии. Через двадцать лет война все же настигла его, и он умер от последствий военной контузии. Итак, вот страницы из его дневника. Мы были всякие солдаты той войны, мы были и такими, и большая часть из нас были такими, поглощенными не ненавистью к врагу, не заботой о торжестве нашего оружия или советского строя, а влюбленными в вечную красоту жизни.

Содержание

Д. Гранин. Вступительная статья
Тетрадь № 1
Тетрадь № 2
Тетрадь № 3
Тетрадь № 4

Д. Гранин. Вступительная статья

Самодельные, сшитые суровыми нитками пухлые четыре тетрадки. Дневники 1943–1945 годов. Фронтовые. Как он умудрился? На фронте дневники вести запрещалось.

Ковалевский Андрей Александрович, техник-лейтенант, ремонтировал самоходки. Знал я эту братию. Мой друг, Володя Лаврентьев, был таким же техником-артиллеристом. Они возились с пушками на передовой, под огнем, часто на неподвижных установках, так что я хорошо представлял их работу. Самоходки были ближайшими родственниками наших танков. Дневники тех лет интересны как исторический документ, как свидетельство очевидца, но чтение их редко переходит в литературное удовольствие.

Ковалевский писал без помарок, ничего не поправляя, видно, что на ходу, летящий косой почерк мчится, не разбирая дороги, но это не заметки для себя, не желание запомнить, запечатлеть одному ему известные факты. С самых первых страниц меня заинтересовало что-то другое. Ковалевский пишет с подробностями, размышляя, но о чем? Сражения, ход войны, ее ужасы, страхи, ненависть к противнику, воинские дела, отступление, наступление — все это разворачивается где-то на втором плане, на первом же личное, частная жизнь Андрея Ковалевского. Он любит природу и умеет видеть ее красоту и в предгорьях Карпат, и на Кубани. Он охотник и пользуется каждым случаем поохотиться. Он любит выпить, погулять в хорошей компании, любит женщин это офицерская жизнь на войне, человека, умеющего пользоваться радостями и давать эти радости.

Честно занятый трудом войны, Ковалевский умудряется среди смертей и горестей сохранить жизнерадостность без пафоса и казенного оптимизма. Меня всегда тяготило угрюмо-трагическое восприятие войны, принятое в нашей литературе. Да и не только в нашей. Солдат Швейк или американский роман "Уловка 22" — счастливые исключения. Таким исключением была и повесть Виктора Курочкина "На войне как на войне" и отличный, полный юмора, фильм по этой повести. На войне смеялись, острили, любили, пировали, ценили прелести жизни, не откладывая на потом.

В дневниках Ковалевского предстает перед нами именно такой редкий дар восприятия. Бушует война, но тем слаще бытие человеческое, тем дороже и прекраснее дары жизни, будь то женская ласка, вкусная еда, цветы, выпивка.

Эшелон едет на боевое задание, чем занят лейтенант по дороге любуется большой стаей диких гусей, которые пасутся на молодой траве поодаль от поезда, мечтает об охоте…

Его бомбят, машина «студебеккер» налетела на телегу, союзники высадились во Франции, в полку склока, напали бандеровцы, он стреляет из отремонтированного немецкого танка — все это фронтовая повседневность, которая, оказывается, отлично уживается с игрой на гитаре, с любовными приключениями, офицерская служба играет всеми красками молодости. Дневник Ковалевского показывает, что даже на войне, на той тяжелейшей Отечественной, можно было наслаждаться прелестью полноценного существования, сохранить в себе аппетит к жизни.

Тамань, Самбор, Тропау, Краков, Прага — путь лейтенанта Ковалевского, ордена, медали — все как положено. После войны он продолжал служить в армии оружейным специалистом, демобилизовался в 1956 году и занялся любимым делом — охотой, был змееловом в Киргизии. Через двадцать лет война все же настигла его, и он умер от последствий военной контузии.

Итак, вот страницы из его дневника. Мы были всякие солдаты той войны, мы были и такими, и большая часть из нас были такими, поглощенными не ненавистью к врагу, не заботой о торжестве нашего оружия или советского строя, а влюбленными в вечную красоту жизни.

Даниил Гранин

Тетрадь № 1

29. XI.43 г.

Вчера слышал от хозяйки (женщины весьма острой, зычной и вообще довольно кляузной) украинскую пословицу, которая гласит: "Дурному не скучно самому". Это значит, что человеку, у которого не хватает ума вообще, не бывает скучно самому с собой наедине. Ничего особенно интересного в этой простенькой пословице нет. Но для меня встает вопрос о моем собственном умственном достоянии. Или так: только ли для дураков эта пословица является истиной. Дело в том, что я всегда хвастаюсь перед самим собой, а иногда и перед людьми, что мне, даже одному, никогда не бывает скучно. Даже наоборот, и весьма часто, мне бывает скучно в обществе людей (смотря, конечно, какое общество). Так что же? Счесть себя дураком? Нет, этого мне что-то не хочется!

Меня люди никогда так не «компостировали», и даже наоборот. Думаю резюмировать так — по умственному и другим уровням все люди разделяются так: большинство их — нормальные, остальные — ненормальные. Ненормальные делятся в свою очередь на 2 категории: а) имеющие всякие достоинства — ниже нормы, б) имеющие всякие достоинства — выше нормы. Ну, затем есть еще категория людей, у которых всякие достоинства достигают апогея, — это гении, об них уж нет и речи — это люди особенные. Так вот, скучно один на один с самим собой людям, относящимся к категории «нормальных». Почему им скучно, — черт их знает — не берусь объяснить. Но это факт.

Почему не скучно людям, относящимся к категории «ненормальных» обеих подгрупп «а» и «б», — мне представляется более явственно.

Первым, то есть категории «а», не скучно потому, что в голове у них блуждают всякие галлюцинации, бред и чепуха.

Категория «б» не скучает, потому что голова занята всякими, более или менее толковыми мыслями, идеями, анализом прошедшего, воспоминаниями и прочее. Кроме того, эти люди любят всякие занятия — без исключения чтение, музыку, игры, все ремесла, науку, охоту, рыбалку и прочее. Им, наоборот, не хватает времени, и жизнью они в большинстве случаев довольны, и весьма полезны для государства вообще, ибо это всегда хорошие работники.

Конечно, есть еще люди одиночные, выходящие из всех приведенных выше определений, но это уже исключения, и, следовательно, "погоды они не делают".

Я отношу себя к категории ненормальных по группе «б». Все это, конечно, мои личные соображения и заключения, которых я никому никогда не навязывал и в дальнейшем не собираюсь. Какое отношение все это имеет к началу данной тетрадки, которая будет похожа или на дневник или на какие-то «мемуары» и которую я уже давно собираюсь начать? Может быть, никакого, а может быть, то, что ведение таких записей является одним из многочисленнейших способов, чтобы не скучать, и, кроме того, они (эти записи) часто бывают полезны самому себе, а иногда и людям. Вообще же я не намерен в дальнейшем, заполняя эту тетрадку, ограничивать себя какой-либо системой или жанром и прочее. Нет! Пусть будут не так удачны выражения, темы, и пусть даже почерк будет небрежен (он у меня вообще плохой), но писания эти пусть будут для меня отдыхом и удовольствием, а отнюдь не трудом. А как толково было бы иметь фотоаппарат! Тогда большинство записей можно было бы иллюстрировать снимками.

30 ноября

Сегодня я совершил один поступок, за который меня следовало бы перевести из категории «б», описанной мною выше, в категорию «а». Этот поступок чуть было не принес мне смерть или, в лучшем случае, увечье. Дело было так. К знакомому моему старику приехал внук из Краснодара, мальчик Толя одиннадцати лет. Мать его убило и сестренку во время бомбежки в городе, а Толе оторвало ногу, и ее ему врачи «подровняли» выше колена. Он сейчас на костылях. Отец его на фронте. Мальчик, несмотря на свое увечье, весьма бойкий в движении и в умственных способностях и вообще симпатичный. Утром этот мальчик пришел к дочери старика, у которой я стою на квартире. Погода сегодня была великолепная: тепло, солнечно. Мальчик звал девчонок моей хозяйки — своих однолеток и даже младше его, — чтобы они составили ему компанию в катании на лодке по реке. Девчата-то согласились, но дед человек вообще весьма умный — лодку ему, конечно, не дал, именно вследствие такой компании. Я, хотя и был занят (ремонтировал часы), захотел сделать этому бедняжке приятное, да и сам был абсолютно не прочь прокатиться. Я взял у деда лодку; Толя сел на корму, я на весла, и поехали вниз по речке. Отъехали километра полтора, там остановились, собираясь отправиться в обратный путь. Тут я, продолжая свои благие намерения по отношению к мальчику, а отчасти опять же для собственного удовольствия, решил пострелять с лодки из своего пистолета и ему дать, ибо знаю по себе, что для мальчика это огромное удовольствие. Ну вот, выстрелил я несколько раз, показал ему, как это делается, а затем

передал ему пистолет, заряженный несколькими патронами. Пистолет ТТ, как известно, после каждого выстрела сам перезаряжается и взводит курок, так что, выстрелив раз, стоит только опять нажать на спусковую скобу, и вновь произойдет выстрел. Всю эту лекцию я Толе, конечно, не читал, а просто передал ему заряженный пистолет со взведенным курком и, указав цель, разрешил стрелять. Он выстрелил, сидя на своем месте на корме, а затем, не спуская пальца со спусковой скобы, естественно перенес пистолет перед собой, разглядывая его с любопытством. В результате получилось такое положение: он сидит на корме, я сижу на скамеечке посреди лодки. Пистолет заряжен, курок взведен, пальчик этого милого мальчика покоится на спусковой скобе, а ствол пистолета направлен мне в грудь или в живот, что, пожалуй, еще хуже! Вся эта «весёленькая» ситуация с возможными последствиями весьма быстро пронеслась в моей голове. Ну, а что здесь сделаешь? Я спокойнейшим голосом приказал ему отвернуть пистолет в сторону, а про его палец, лежащий на спуске и от незначительного движения которого зависела моя жизнь, — я ничего ему не сказал, то есть сказал уже тогда, когда он отвел пистолет от меня, ибо иначе, он возможно, услышав какое-то приказание, связанное с движением пальца, может быть, и двинул бы таковым, да не в ту сторону, и тогда… На обратном пути я думал: вот была бы действительно дурацкая смерть! На фронте бывали уже какие-то ситуации, а пока остался цел и даже не ранен, а тут в прекрасный день из собственного пистолета от руки 11 — летнего ребенка получил бы пулю в брюхо. Ну, в общем, поскольку обошлось благополучно, то я считаю этот случай к лучшему. Во-первых, как новый экземпляр в моей коллекции переживаний и приключений. Во-вторых — будет наука на дальнейшее.

Хотя большинство записок такого рода или, как их называют обычно, дневников пишется для себя, но все же имеется в виду, что кто-либо может прочесть его или самому захочется дать почитать его, скажем, жене или другому близкому другу, — вследствие этого приходится вводить много такого, чего не писал бы для самого себя, то есть пояснительных добавлений к тому или иному событию, — это во-первых. Во-вторых, вследствие этого же положения очень трудно удержаться от некоторого искажения в описании своих мыслей и действий. Особенно мыслей. То есть как-то машинально гнешь к себе — выставляешь себя в более выгодном или хотя бы в менее невыгодном, чем это было на самом деле в том или ином описываемом случае. Ну и, в-третьих, кое-что все же вовсе не пишем. Хотя мне очень перед собой приятно, что таких «кое-что» у меня давно уже и сейчас —

почти нет. Постараюсь все же как можно меньше кривить душой в описаниях, ибо иначе пропадет тот смысл для меня самого, из-за которого я решил завести эту и следующие тетрадки, а именно: иметь возможность через энное количество лет прочитать, что случалось со мной и что я по этому поводу думал. Особенно мысли меня интересуют, ибо физические действия и случаи еще запоминаются, так как они были, а мысли с течением времени, когда о них вспоминаешь, уже теряют свой колорит, чему способствует не столько притупление памяти, сколько беспрерывное изменение психики человека с течением времени. Но где взять бумаги для дальнейших записок — вот вопрос?

1 декабря

Сегодня день исключительный! Декабрь месяц, а температура воздуха такая, что люди ходят в летних платьях и босиком. Дверь в комнате открыта "на волю" — иначе очень жарко, когда топится плита. Благодатный климат. В таком я еще, кажется, не живал. И сейчас ночь стоит тихая, теплая, месячная. В станице на улицах девчата «спивают» песни, и где-то играют на гитаре. Ну, в общем, совсем как летом.

Очень хочется изучить стенографию — с великим прилежанием принялся бы за это дело, но нет соответствующих учебников. Поищу в Краснодаре, а если не найду, то напишу в Москву — может быть, пришлют.

3 декабря

Из Армавира ко мне в гости приехала на 2–3 дня жена Шуры. Я рад ее визиту — она симпатичная. И раньше я слышал о ней только хорошие отзывы. О Шурке уже больше 2-х лет ничего не известно. Последнее время служил в береговой обороне под Ленинградом. Наверно, погиб, бедняга. Жаль мне его очень. Симпатичный был парень. Я с ним был более дружен, чем с Юрой. Шурка был как-то интереснее и душевнее. Правда, я с ним больше сталкивался, чем с Юрой, и, возможно, потому знал его лучше.

8 декабря

Чертовски паршиво чувствую себя в материальном отношении. Получаю 675. И больше ничего. Матери нужно послать хотя бы 150. Жене 300. Остальные почти все нужно послать брату в академию. Себе нужно оставить хоть полсотни. А тут еще несчастье. В общем, где тонко, там и рвется. 6-го вечером у меня вытащили карманные часы. Если бы были мои, так черт бы с ними, а то чужие. Теперь придется рублей 1000 платить за них. Значит, две получки месячные почти целиком. Посылать родным это время будет не из чего. Это мне ужасно неприятно. Ну, что ж теперь поделаешь? При подобных происшествиях привычка такая: нахмуришь лоб, сожмешь губы и решишь: черт с ним — время

сглаживает все, пройдет и это, рассосется. С женой у меня, возможно, получится неладно, и все из-за денег. Она, очевидно, думает, что я много получаю и шикую здесь. В последнем большом письме я обрисовал ей полную картину моего финансового положения. Но она, возможно, не совсем этому верит. Во многих ее письмах были упреки на этот счет и слишком уж категорические требования. В одном из уже, правда, давних писем она изъявляла даже недовольство мною за то, что матери я высылаю эту несчастную сумму. Мне это весьма не понравилось, и я оставил без ответа все ее вопросы на эту тему. Ведь и правда, если рассудить, она сейчас одна, работает на военном

заводе старшим диспетчером, значит, получает, наверное, рублей 800 или около того. Я не думаю, конечно, что она нормально питается, одета и обута, наоборот, я знаю, что во всех этих отношениях дело обстоит плохо. Но сейчас миллионы людей находятся в более плохих условиях, чем она. Следовательно, вопрос нужно бы ставить так: сколько могу — столько и посылаю ей, и за то спасибо. Но она требует конкретных отчетов и, вероятно, считала бы нормальным это дело только в том случае, если бы я высылал ей рублей 600, то есть все, что получаю. Правда, последние ее письма резко изменились в тоне.

В них очень много ласки, и денежных претензий почти нет. Все же могу предполагать, что предстоящая двухмесячная задержка в высылке ей денег повлечет серьезные осложнения в наших отношениях. Ну, что же делать? Опять придется "нахмурить лоб и сжать зубы". Про часы я ей все-таки напишу, хотя она, возможно, не поверит, а если поверит, то все равно это не уменьшит ее возмущения. В общем, интересуюсь, что она мне на эту тему напишет. "Будем посмотреть", а выводы после войны — при встрече (если останусь живой).

9 декабря

Сегодня несколько часов занимался с командирами. Читал им лекцию по боеприпасам, ощущение очень приятное. Интересно быть преподавателем, тем более когда уверен в своих знаниях и умении преподавать.

Вечером зашли на часок к девушке Светлане. Она очень хорошенькая. Любит петь. Знает невообразимое количество песен. Лучше меня играет на гитаре. Голос у нее очень нежный и высокий. Играли с ней на 2-х гитарах одновременно — получается хорошо. Зайду как-нибудь еще. Любовь с ней крутить не думаю, и ни с кем вообще. Это дело меня сейчас совсем не интересует. Большинство наших командиров увлекаются любовными похождениями. Благо, к этому здесь сейчас неограниченные возможности. И, кроме того, мы ведь на отдыхе.

Вечером шел по грязи домой. В обеих руках нес гитару и мандолину. Поскользнулся и упал. Здорово вывернул пальцы на левой руке — собачья боль. Кроме того, придя домой, обнаружил пропажу моей замечательной трубки. Она у меня уже несколько лет и все никак не теряется. Накинул плащ-палатку и, несмотря на сильный дождь, пошел искать ее. В темноте и в грязи, но все же разыскал ее на том месте, где упал. Надеялся, что блестящий медный поясок на ней мне будет заметен и в темноте, — так и получилось. Интересно, когда я все же потеряю ее окончательно?

10 декабря

Сегодня в письме матери получил известие, что Ира продала ту часть дома, на которую мы с Лелей имели некоторые права. Впечатления на меня это известие никакого не произвело. Гораздо жальче мне было, когда узнал, что мой деревянный сундук, наполненный охотничьими принадлежностями и боеприпасами, там разбазарили подчистую.

13 декабря

Сегодня исключительно провел день. Полк уехал в город в баню, а я взял у знакомого старика его охотничье ружье и отправился после завтрака искать зайцев. За плечами карабин, на правом боку — пистолет, на левом — нож. В руках двухстволка — в общем, вооружен до зубов. Для карабина патронов до черта, для пистолета — еще больше, а для двухстволки — увы… всего три патрона. Ну, когда же у меня раньше было, чтобы на охоту идти с 3 патронами?! Всегда бывало два полных патронташа. Выгнал четырех зайцев. Стрелял только по одному — промазал. Остальных, можно сказать, только «слышал», но не видел — очень густая трава. Конечно, если было бы больше патронов, можно было бы бить наугад, то есть прямо "на шумок", так с дуплета вполне можно убить зайца, ну, а когда имеешь всего три патрона, то все приходится выгадывать. Вот и навыгадывал, что два патрона принес домой заряженными. В одном месте издалека прицелил большого коршуна из винтовки. Сшиб наповал. Очень обрадовался и сам себя похвалил. Смерил расстояние шагами — оказалось 148 больших шагов до дерева, на котором он сидел, да еще надо прикинуть на высоту дерева. Не обошлось без чудного случая: вытаскивал пистолет из кобуры за ремешок правой рукой. В левой держал двухстволку так, что приклад ее находился у меня у живота. Пистолет что-то застрял в кобуре, и я дернул его посильнее. Он выдернулся из кобуры, и вдруг у моего брюха выстрел. А из чего и почему — не пойму. Вижу только, что пистолет у меня на ремешке сам собой закрутился. Весьма удивляюсь и начинаю «исследование». Открываю двухстволку — может быть, она выстрелила? Нет, патроны в ней целы. Значит,

это из пистолета. Оказывается, пистолет, будучи с силой выдернут из кобуры за ремешок, ударился задней частью своего курка о приклад двухстволки, ну и хлопнул, конечно. Пуля прошла у меня около правого бедра, пробила кобуру пистолетную наискосок сверху вниз в двух местах. В общем, если бы на вершок-полтора полевее, — пришлось бы мне с охоты скакать на одной ноге. Значит, опять наука. С оружием, выходит дело, нужно обращаться не только правильно, но и вежливо. А в общем — "век живи — век учись"…

Домой возвращался уже в сумерках. Жрать хотел, как два волка. Мечтал, чтобы Саша принес мне получше обед. Обед оказался хороший, кроме того, хозяйка наложила мне еще своего борща. Перечистил все оружие. А тут подошло время идти ужинать. На ужин оказалась жареная рыба, хлеб, 200 г маргарина (добавочный паек), затем галеты и чай. Все это огромное количество пищи употребил сразу — в общем, нажрался, как черт! И так все замечательно. Много ли человеку нужно для создания хорошего настроения? Не хватает только 200 г водки.

Я всегда хорошо сплю, но сегодня буду спать с особенным удовольствием.

16 декабря

Температура воздуха с утра — 7. К обеду уже 0, и поднимается выше. С вечера поставили с дедом сетку через речку. Ночью проверили — сняли только одного сазанчика, на 1/2 кило. Рано утром проверили — сняли 4 рыбца, приличненькие, грамм на 800 каждый. Рыбец — рыба первосортная, раньше шла она исключительно на экспорт. По внешнему виду похож рыбец на сазана, только как-то побелее. Обычный вес ее — около 1 кг, но чаще меньше. Кроме того, водится здесь щука, сом, окунь, лещ, верхогляд и шамай. Шамая я еще не видел, может, сегодня ночью попадется. Наладил перемет на 40 крючков, под вечер поставлю. Ночью буду проверять.

Под Крымской

В Абинской задержались 2–3 дня; затем ночью были переброшены под Крымскую. Ночь очень темная. Остановились на опушке леса. Дальше, до самой Крымской, чистые места. Она от нас километров в 4–5. В ней неприятель.

Машины наши среди ночи двинулись на исходные. Остановились в кустиках в километре от передовой. Ночь. На рассвете — капитальное наступление. Но до рассвета еще часа два. Во всем и везде чувствуется подготовка. Даже воздух как будто напряжен. Я первый раз вообще буду находиться в боевой «атмосфере», поэтому мне все очень интересно.

Получилось так, что на некоторых машинах не выполнена

мною нужная работа. Теперь приходится в темноте пробираться к машинам и, как только начнет развидняться, постараться сделать хотя бы самое необходимое. Надежда только на то, что команда нашим машинам, судя по роли, на них возложенной, будет подана не с раннего утра, а, очевидно, часам к 7–9.

Мастера своего послал в одном направлении, а сам с необходимыми инструментами отправился в другом направлении, так как машины наши должны были пойти в атаку с разных мест. Часов с трех утра одновременно по всему участку фронта грянули артиллерийские залпы. Это началась наша артиллерийская подготовка. В общем, это замечательно эффектная штука. Особенно ночью. Резко, с каким-то раздирающим звуком хлещет мелкокалиберная и средняя артиллерия. Снаряды их трассирующие, и поэтому замечательно видно, как эти огненные шарики несутся прямо над землей; почти без траектории — в стан врага. Эта артиллерия расположена в непосредственной близости от того пути, по которому я пробираюсь, и поскольку в прифронтовой полосе нет никаких охран и заграждений, то имею полную возможность нарваться прямо на пушки, и свой же снаряд оторвет башку. Ведь совершенно темно. Пушек не видно. Только слышна с разных сторон команда, и пляшут огненные языки. Немного поодаль бьют 122- и 152-миллиметровые. У них звук более низкого тона, но более мощный. В общем, их как-то приятнее слушать. Самое красивое, конечно, — это работа «катюш» ночью. Это уж ни с чем не сравнимое зрелище. Длинные огненные поленья в огромном количестве высоко взлетают в небо. По крутой траектории они отправляются в подарок немцам, и там огромные участки охватываются огненными взрывами. Немецкая артиллерия в ответ бьет по нам, и огоньки трассирующих снарядов несутся друг другу навстречу. Эта невообразимая музыка продолжается часов до пяти, то есть до рассвета, затем общая сила огня ослабевает. Зато вступают в дело немецкие и наши пулеметы. Немецкие пули свистят мимо и режут ветки кустов то над головой, то где-либо сбоку.

На другой день нас оттянули с линии фронта и перебросили под хутор Верхне-Ставропольский, а оттуда в поросшие лесом высокие холмы, в так называемый «Шибик-2». В «Шибике-2» стояли долго, дней 20.

Во время этой стоянки в «Шибике-2» мы понесли очень досадную потерю убило у нас командира полка. Хороший он был человек, заслуженный, боевой подполковник А. Вохромеев. Все его очень жалели. Я как раз был с ним перед его смертью. Дело было так: обходили мы с ним наши боевые машины, которые

стояли в разных местах в оврагах и на буграх. Помню, был он в черном комбинезоне, с палочкой (нога у него болела). И вот после обхода машин пришли мы с ним на КП, а он у нас был на высоком бугре, и немцы его все время обстреливали. Подполковник наш лег на кучу хвороста на открытом месте отдохнуть. Рядом с ним был еще начштаба капитан Сергеев и еще один разведчик. Мне делать там было нечего, и я подался на место нашей стоянки, в общем — «домой». Прошло какое-то очень короткое время с момента моего прихода на стоянку, и вдруг слышу разговор, что, дескать, убит наш командир полка. Я, конечно, улыбаюсь, и думаю: "Вот трепачи!" Все же от нечего делать подхожу к разговаривающим и спрашиваю, откуда такая нелепая весть. Я же, можно сказать, только что с ним разговаривал. Тогда мне говорят, что убитого привезли, и советуют убедиться лично. Иду в указанном направлении и верно: лежит на носилках наш подполковник мертвый. Попало в него несколько осколков от снаряда, один из осколков угодил прямо в сердце. Оказывается, после моего ухода шлепнул немецкий снаряд на то место, где мы с ним стояли на КП. Подполковника убило сразу насмерть, а находившихся около него начштаба и разведчика только слегка ранило. Командиром полка назначили временно капитана Сергеева. Сволочной он был человек, опротивел всем нам, как собака. И почему не этого черта убило, а хорошего, любимого всеми командира.

10 февраля

Опять море! Только теперь Азовское. Лежу на самом берегу его в высокой сухой траве и пишу. Дует ветерок. Светит солнце и даже греет. Море шумит. По нему, одна за другой, бегут небольшие волны с белыми гребешками и набегают на чистый желтый песок берега — шагах в тридцати от меня. Слева, вдали, в сторону Тамани слышен грохот бомбежек и артстрельба. Там, за проливом, — Керчь. Там идут бои. Мы тоже должны туда направиться. Ничего не имею против, только бы это было поскорее.

Довольно значительный период и по времени, и по содержанию был в лагерях около станицы Абинской. Стояли мы там на ремонте больше месяца. Это был, кажется, июль. Это место занимали в мирное время казачьи лагеря. Красивое место. В холмах, около речки. На горизонте недалеко — горы. Правильно распланированные, бесконечные аллеи, сплошь засаженные фруктовыми и другими деревьями. Некоторые из них еще цвели, другие находились в полной мощи своей зелени. В заброшенных квадратах между аллеями масса кустарниковых растений, трав и всевозможных цветов. Все это роскошное растительное царство

заселено массой птиц, зверей и зверушек. Война здесь почти не оставила своих черных следов. Правда, взорваны водокачка и пара-тройка бывших здесь домиков, да изредка встречается воронка от шального снаряда или авиабомбы — вот и все. (…)

От времени, проведенного нами в Абинских лагерях, у меня осталось сильное впечатление вот какого содержания.

Заболел я там однажды малярией, да заболел очень крепко. Температура была настолько высокая, что сознание в голове моей потеряло всякую стройность. Я в течение суток беспрерывно пел, декламировал, философствовал и так далее. Со мной все время возились врачиха и медсестра и, как они потом говорили мне, весьма опасались за меня. Не помню, что мне тогда и самому было интересно, ибо, наряду со всякой бредовой бессознательностью, в моей голове одновременно и почти беспрерывно уживалось еще что-то совершенно здравое и расположенное к анализу. Порой все это смешивалось, и я сам себе в то время задавал вопрос: где же тут бред, а где здравые мысли? В общем, интересно было. Когда я начал поправляться, то один день был очень тяжелый. Какое-то тяжелое и очень угнетенное настроение. Все кажется в очень мрачном свете — бывшее, настоящее и будущее. Решил застрелиться.

Пистолета у меня с собой не было, но к моим услугам в углу санитарной палатки стояли заряженные автоматы. И вот я уже присматриваю один из них, прикидываю в уме, как удобнее из него застрелиться. Больше всего неприятно мне казалось в этом предприятии то, что плохо подумают обо мне люди, и родные, и знакомые. Почему я все же не застрелился — не помню уже. Наверное, момента подходящего не выпало или помешал кто-либо.

Через пару дней я уже окреп. Стал ходить. Настроение сделалось тихое, спокойное и радостное — так всегда бывает у меня при выздоровлении от чего-то тяжелого. Какую-то особенную свежесть и обновление чувствуешь в себе. Все равно как верующий после исповеди.

Вернувшись в свою землянку после длительного пребывания в санчасти, я обнаружил, что прошедший сильный ливень нанес ущерб моему хозяйству. В землянке под крышей лежала у меня гитара, которая ездила со мной уже несколько лет и была очень хорошая. И вот крыша потекла, и полную гитару налило воды. Вследствие этого она вся рассыпалась на составные части. Я еще повозился с ней некоторое время, надеялся склеить, ну, а потом решил бросить все это ко всем чертям, что и выполнил.

Тетрадь № 2

18.02.44 г.

Находимся недалеко от остатков маленького разоренного селения. Гражданского населения здесь нет. Название у этого селения такое же скучное, беспризорное и бессмысленное, как и наше пребывание около него, оно называется Кучугуры. (…) Тот незначительный запас дров, который мы привезли с собой, уже весь вышел. Благо, что немцы заминировали весь берег моря, и мы имеем возможность разряжать их противотанковые мины и использовать содержимое их на топливо. Взрываем и корчуем пеньки, оставшиеся от вырубленных фруктовых деревьев. Минирование все же дает себя знать: за время нашего пребывания здесь с 9.11.44 г. имеем уже три жертвы. Насмерть подорвался на мине один мой коллега — арттехник соседнего дивизиона. Один боец собирал бурьян у берега и нарвался на немецкую прыгающую противопехотную мину. Она ему сделала дыру под мышкой, искалечила руку, оторвала пальцы на ноге, содрала всю правую часть лица. Его перевязали, но, думаю, вряд ли будет толк. Третьей жертвой оказалась лошадь. Она паслась в поле и сумела привести в действие противотанковую мину. Разнесло ее вдребезги. Я тоже имею паршивую привычку шляться каждый день где попало. Очень люблю исследовать разные немецкие чертовины, валяющиеся здесь в большом количестве в виде снарядов, гранат, мин и тому подобное. Пока что выходит благополучно. Завтра или послезавтра обязательно взорву остатки потопленной баржи, находящейся от берега метрах в двадцати. Я бы давно это сделал, но очень скучно лезть в холодную воду, а с берега ничего не получается. Я однажды швырнул в нее противотанковую мину, но куда там! Разве такую дуру далеко забросишь? Мина упала в воду на половине расстояния до баржи и, взорвавшись, подняла огромный столб воды и грязи, а сильный ветер с моря бросил все это на собравшихся зрителей, и некоторые были облиты с ног до головы. Я лежал в пятнадцати метрах от взрыва и остался сухой.

Охоты здесь нет. Во всей округе водится десяток зайцев, да иногда над морем пролетит стайка гусей или уток. Это и все. Правда, иногда бывает, что метрах в ста от берега качается на волнах маленький нырок или пара их. Вот мы и лупим по ним из винтовок и пистолетов, но пока безрезультатно.

Пищу нам дают в большом количестве, но очень однообразную и невкусную. Так что, хотя мы и вполне сыты, но еда не приносит нам никакого удовольствия. Суп и каша в

больших количествах вываливаются собачатам, которых мы возим с собой четыре штуки. Хлеба сколько угодно, но и он тоже особенно не интересует нас. К моему шоферу на днях приезжала жена. Она угостила нас хорошей самогонкой, салом, кислым молоком и прочими домашними вещами. Нам сие было весьма приятно. Особенно, конечно, самогонка.

На днях — День Красной Армии и плюс к тому еще годовщина со дня формирования нашей части. Привезли много водки и закуски. Предполагается устроить богатый офицерский вечер. Из дивизии обещают дать нам на целый день ансамбль и духовой оркестр. Кроме того, у нас есть три баяна, гитара, мандолина. В общем, посмотрим, как получится. Не будет только женского общества, кроме своих полковых и дивизионных, которые и в будние-то дни уже надоели.

21.11.44 г.

Вчера с вечера резко похолодало. Подул резкий северо-западный ветер. Пошел снег. Сегодня целый день настоящая зима. Мороз, ветер. Сидим в своей машине. Нам холодно. Целые сутки беспрерывно топим печурку, но особого эффекта это не дает, так как дрова из сырых пеньков. Выручают нас немецкие мины, содержимое которых мы подкладываем в печь. Но и мин хватит на пару суток, не больше.

24.11.44 г.

Сегодня появился слух, что нас опять вернут в станицу Крымскую. Как ни странно, но эти слухи обычно оправдываются, а появляются они задолго до предполагаемых действий. Откуда они берутся? Черт их знает! Что же касается станицы Крымской, то она в истории нашего полка никак не сходит со сцены. Уже сколько раз мы уезжали из нее в полной уверенности, что больше не вернемся, и все же опять и опять по тем или иным обстоятельствам возвращаемся в нее. В общем, мы не против, чтобы этот слух оправдался. Неплохо было бы, хотя бы до весны, пожить в хатах, ибо все равно же мы не воюем, а торчим в поле без толку.

Накануне празднования 26-й годовщины Красной Армии нас всех одели в казачью форму, так как мы в Кубанской пластунской дивизии. Форма, конечно, красивая, и некоторым очень идет. Говорю, что и мне в том числе. Ну, а кроме того, черкески мы используем ночью как одеяла, и это получается очень неплохо. 23-го был торжественный вечер в клубе с ансамблем и выпивкой. С восьми часов начали офицерский вечер и веселились до 2-х ночи. Было неплохо. Выпивки было в меру. Закуски тоже. Были музыка, танцы, индивидуальные вокальные выступления. На вечере был генерал и другие гости. Женщин было мало: наша

врачиха, медсестра Валька, наша прачка и, наконец, дивизионная проститутка Надька.

26.11.44 г.

Слух, конечно, оправдался: завтра утром трогаемся. Едем далеко. Как и куда — всем уже известно. Насколько все же мы стали беспечны: тайн никаких нет! Последний раз погулял по берегу моря. Уезжать от него все же жалко. Придется ли еще увидеть море, и какое именно?

27.11.44 г.

Сегодня целый день на колесах, отъехали от моря километров на 130. Погода здесь уже совершенно другая — тепло, ветра нет. В общем — весна. По дороге все время обгоняли пехоту нашей дивизии, пластуны. Ну и достается же им! С полной боевой выкладкой им нужно пройти это расстояние, притом по жуткой грязище. Наряду с жалостью к пехотинцам, испытываем невольную радость, что служим в технической части и, следовательно, не мучаемся от переброс вовсе. Сидишь себе в крытой машине, где остановились — там и дом. А тем беднягам ведь и отдохнуть зачастую негде. Кругом мокро, грязь. Между прочим, психика человека (возможно, не у всех) сконструирована господом богом настолько подло, что в большинстве случаев при созерцании страданий своего ближнего чувствуешь где-то в глубине души, в подсознании, кусочек радости, что к тебе это в данном случае не имеет непосредственного касательства. Или бывает, например, так: попадешь под обстрел или бомбежку, сидишь в какой-нибудь ямке, и вдруг снаряд или бомба угодила в соседнюю ямку, где сидели 3 или 4 человека. Казалось бы, что далее из самого простейшего арифметического расчета вполне явствует, что уж лучше было бы иметь попадание в твою ямку, ибо ведь потеря одного человека гораздо менее трагична, чем когда погибают сразу четверо. Но нет! К подобному анализу в те минуты что-то нет склонности. Наоборот, где-то в подсознании промелькнет радостная мысль о том, что этот снаряд или эта бомба попала не в мою ямку. Ну, а что там получился кошмар, так в этом, я, дескать, не виноват. В общем, никто не скажет: "Эх, лучше бы меня убило!" Иногда, правда, когда снаряды или бомбы сыплются слишком уж часто и густо, это не то что пугает, а как-то угнетает, и, бывает, подумаешь: "А, черт возьми. Скорее прибило бы, что ли, чтобы отмучиться!" Особенно, когда такая атмосфера продолжается несколько часов подряд или даже целый день.

1 марта 44 г.

Итак, мы опять в Крымской. Ожидаем погрузки. Ждать, кажется, долго не придется, очевидно, на этой пятидневке тронемся.

4 марта 44 г.

Вчера под вечерок пошел гулять по Крымской. Погода теплая, тихая. Посетил некоторые из тех мест, где бывал девять месяцев назад, когда здесь была боевая обстановка. Конечно, восстанавливал в памяти все случаи и переживания свои того времени. А сейчас уже другая картина — вернулись многие мирные жители. Все перекапывают свои огородишки и садики, залепляют дыры в избенках. Привозят из дальних мест домашнюю птицу, и уже по станице кричат петухи, кое-где и корову увидишь. Мужчины, конечно, только старики или калеки, а то все женщины и дети. К вечеру вчера пошел дождь, и сегодня опять грязь по колено и дождь. Да, война для этой станицы пока что кончена, вернее, война ушла теперь от нее, но до сих пор еще нет-нет, да и напомнит она о себе людям. Вот, например, вчера пошла одна девушка 18 лет и мужчина-железнодорожник собирать по брошенным блиндажам доски и железо, ну, и нарвались там на что-то. Девушку убило насмерть, а мужчине оторвало ногу. Вчера же наш один казак ехал на лошади, и ехал-то, собственно говоря, по такому месту, где уж тысячи людей проехали и прошли, и вот лошадь его ударила копытом о валявшийся неразорвавшийся снаряд. Лошадь убило, а казака ранило в ноги. Случаев таких масса, и масса их еще будет. Побывал на территории большого разбитого консервного завода. Вспомнил, как однажды ночью попал здесь под артобстрел. Вообще очень люблю гулять один. Идешь себе не торопясь, покуриваешь трубку, предаешься воспоминаниям или обдумываешь что-либо. На душе так тихо, голова работает так последовательно и хорошо, — в общем, приятно.

7 марта 44 г.

Проехали Ростов. Подъезжаем к Таганрогу. Едем медленно, так как движение поездов очень интенсивное, в обе стороны беспрерывной цепью движутся эшелоны. Но нас не особенно нервирует медленность движения. Ведь не на свадьбу едем. Погода здесь сырая и холодная. От Азовского моря мы уехали, а сейчас опять едем вдоль его берега. Поэтому и погода, вероятно, такая паршивая. Но уже завтра опять повернем мы в теплые края и будем ехать навстречу весне, не дожидаясь ее прихода.

В дороге нет ничего достопримечательного. Заниматься особенно нечем. Писать тоже неудобно. Больше всего сидим и рассказываем друг другу разную ерунду. Много времени уделяем струнному оркестру, песням и прочему. А иногда просто-напросто сидишь у печурки, накинув шинель на плечи, и думаешь о чем-либо. Думы, конечно, не особенно веселые, ведь едем опять на фронт. Проскальзывает, бывает, мыслишка: придется ли

вернуться? Не похвально, конечно, хоть сколько-нибудь предаваться такому течению мыслей, но, в противовес этому, у меня имеется ясное и твердое, основанное на личном опыте убеждение, что долг свой я в будущих боях буду выполнять честно и бесстрашно, как и в предыдущих, а кроме того, в особенно опасные моменты у меня явится азарт и задор, и я тогда буду способен на самозабвение и на всякие отчаянные выходки. И поскольку имеется у меня такое убеждение, то не особенно осуждаешь себя, если пока что немного и попечалишься… ведь так хочется жить, тем более что ведь война должна скоро кончиться, а шансов на личное благополучие 50 — «за» и 50 — «против».

20 марта 44 г.

Отъехав от Ростова, мы свернули куда-то по другой ветке и Таганрог объехали стороной, левее, кажется. Поезд несся без остановок. Даже обед другой раз удавалось получить только вечером. 9 марта утром разгрузились на небольшой ж/д станции Плодородие. Это не доезжая 30 км до Мелитополя. Оказывается, наша дивизия, а следовательно, и наш полк, вошла в состав формирующейся 69 армии. Значит, простоим здесь неопределенное время, наверно, долго.

Сижу безвыходно в своей мастерской и никуда не хожу. Только однажды ходил на разведку окружающей местности: за какой-нибудь час согнал четырех зайцев. Они лежат на совершенно ровном голом поле, так что поднимаются очень далеко. Да и бить их уже нельзя. Уткам здесь водиться негде. В общем, об охоте придется отложить мысли до осени. Взаимоотношения в полку очень нездоровые. Масса всяких взаимных «подковырок» и группировок. Начальство тоже стало какое-то свирепое и не в меру придирчивое. Все это происходит потому, что мы давно уже не воюем — вот уже около шести месяцев болтаемся по тылам. Если бы пошли в бой, то все отношения сразу стали бы и деловыми, и дружескими — в основном. В связи с нашим переездом с Кубани мы вот уже более 20 дней не получаем ниоткуда писем. Это очень неприятно. Письма мы очень любим получать, и некоторые из нас получают их очень много, и я в том числе. И вот хоть не каждый день получаешь, но ждешь их каждый день, и сотни людей спрашивают несчастного почтальона: "Фролов! Мне есть? " На днях получили все задержавшиеся письма разом.

Позавчера ни с того ни с сего устроили некоторую пьянку, втроем за вечер выпили 5,5 литров самогона. Немного повеселились. Самогон здесь гонят из свеклы. На вкус он очень противный и вонючий, но крепость у него удовлетворительная.

Он крепче того, что гонят на Кубани из кукурузы, но во всех отношениях уступает тому замечательному самогону, который я пил в Раевской, в день, когда вернулся из боя. Гонят там его из винограда. Он чистый, не вонючий, крепость градусов 60 будет.

21 марта

Сегодня, наконец, получили письма сразу за много дней. Получили почти все. Я получил 5 штук, мой арт. мастер Саша получил сразу 20. "Что же я с ними, — говорит, — буду делать?!" Сегодня есть слух, что на днях нас должны отправить в действующую. Интересно, насколько быстро этот слух оправдается.

5 апреля

Продолжаем тихо и мирно жить на одном месте. Может быть, в конце этого месяца или в начале следующего снимемся отсюда. Вернее всего, нас перебросят на 1-й Украинский фронт. Сегодня имею настроение, как выражается моя жена, «минорное». В основном вызвано это тем, что вчера сильно напился, а опохмелиться, конечно, не удалось. Очень хочется побеседовать с каким-либо близким другом, который был бы мне интересен и мной бы интересовался бескорыстно, как человеком. Здесь у меня таких нет. Да и вообще их у меня мало. Если перечислить, то, пожалуй, жена отвечает всем условиям моего сегодняшнего настроения, старший брат Мишка, ну, а многие другие хороши во многих отношениях, но не универсальны.

Вчера поехал в Мелитополь. Цель была разыскать в госпитале одного товарища — моего мастера Макарова, затем познакомиться с городом. Город мне нравится. Расположен на холмах. Площадь занимает очень большую. Улиц с большими домами очень мало. Главная улица Карла Маркса весьма приличного вида. В основном в городе одноэтажные домишки под черепичными крышами. А между домиками все сплошь засажено фруктовыми деревьями. Много деревьев и цветов. Представляю, что там будет дней через 15–20, когда все это расцветет. Весь воздух будет наполнен запахом и видом цветущих деревьев и цветов.

Познакомился в Мелитополе с одной медичкой Марусей. Хорошая уютная квартирка, приветливые хозяева, корова, патефон, приятные пластинки, — что еще нашему брату нужно?

Заезжал к ним еще раза четыре, чуть ли не через день. Последние разы ездил с одним лейтенантом Д. Брали даже с собой гитару. В общем, хорошо провели мы с ним время в этих поездках: водочки замечательной попили подходяще и закусочки весьма деликатной имели в достаточном количестве. А после всей этой материальной благодати следовала музыка, женское

общество, разговоры. Отдохнули душой и телом. Но ведь отдыхать можно, когда устанешь, а мы уже больше полугода ничего не делаем, хоть и стыдно это и даже вредно, но уж такая наша судьба.

В первых числах апреля выезжали на стрельбище. Среди полей, где были бои, стоит подбитый немецкий танк «пантера». Не знаю уж, как там было дело, но картина весьма печальная и обидная: немецкий танк один, а наших кругом виднеется подбитых не менее десяти, да все тяжелые КВ. Стрельбище прошло удачно, стреляли вполне удовлетворительно, почти без промаха клали снаряд за снарядом прямо в «пантеру». Раскрошили ее в доску. Попробовали подкалиберным снарядом лобовую броню нашего тяжелого танка — прошибает насквозь в любом месте.

18 апреля снялись с места и начали грузиться. Мы с лейтенантом Д. не утерпели и, взяв гитару, отправились с прощальным визитом в соседнее село к одной бабочке по имени Раечка, а полностью Раиса Сергеевна Карпова. Она очень симпатичная, нам нравится, особенно моему товарищу. Мне лично больше понравилась белая водка и закуска (Райка заведует магазином). И мы, следовательно, разделили свои стремления: я больше занимался водкой и закусью, а ему полностью уступил "свою порцию Раечки". Часам к двум ночи я стал настаивать на необходимости отбыть домой, а друг мой не согласился, желая остаться ночевать. Кое-как все же вытащил его, и мы с ним пошли в свой хутор. Оказалось, что он пьянее меня, и мне пришлось его буксировать через пашни. Он даже ухитрился спать на ходу и все уговаривал меня остановиться у какого-нибудь столика. Из-за абсолютной темноты и отсутствия ориентиров, а может быть, под влиянием винных паров, мы немного сбились с правильного пути и вместо полутора километров отмерили не менее пяти. По этой причине, придя на свой хутор, чувствовали себя уже абсолютно трезвыми (почти). Оказалось, что машины наши и люди уже выехали из хутора, но кое-кто еще остался, поэтому мы завалились спать на моей прежней квартире на одной койке, а утром с одной из наших машин двинули на станцию на погрузку.

От ст. Плодородие до Каменец-Подольска

Первый большой город на нашем пути — Днепропетровск. Я в этих местах не бывал, — интересно. Подъезжаем к Днепру днем в великолепную солнечную погоду и тихонько ползем по мосту. Мост деревянный, очень длинный. Он сделан уже нашими, недавно. Прежний металлический огромный мост — взорван, и фермы его боком торчат из воды. Картина очень печальная. По сторонам вверх и вниз по течению Днепра — виднеются остатки

еще двух взорванных мостов. Сам же Днепр широк и красив. Вспоминается, конечно, Гоголь: "Чуден Днепр при тихой погоде…" Но за этим чудом нам приходится видеть чудеса совсем иного порядка. Территория, занятая Днепропетровском, огромна. Справа по пути нашего следования на протяжении нескольких километров беспрерывно тянутся огромные корпуса заводов и заводские трубы. Вернее сказать, не тянутся, а когда-то тянулись, ибо сейчас все эти гиганты развалены, исковерканы, взорваны. Только кое-где из труб идет дым, и стучат двигатели. Все остальное напоминает развороченный муравейник, и люди здесь, как растревоженные муравьи, не покидают свое создание. Они уже копошатся, тащат кирпичик к кирпичику, железку к железке, они скоро наладят опять все это, и жизнь пойдет своим чередом, и мертвые сейчас гиганты оживут вновь.

Но сейчас картина потрясающая. Огромная ненависть лишний раз вспыхивает к ненавистному врагу, искалечившему не только личную жизнь огромного количества наших людей, но и разрушившему массу ценностей, созданных нашими людьми в течение десятилетий, ценой больших трудов и личных ограничений всего нашего народа. В отношении же железнодорожных построек и окружающих зданий, перронов и прочего здесь, можно сказать, дело обошлось довольно благополучно, почти все цело. Там, где нам приходилось бывать раньше, получилось иначе. В Краснодарском крае, в Новороссийске и других тамошних местах не оставлено камня на камне. Все сметено с лица земли, даже перроны.

22 апреля

Едем очень медленно. Чуть ли не по суткам стоим на некоторых станциях. Большое количество военных эшелонов, разных родов оружия следуют в том же направлении, что и мы. Навстречу попадаются эшелоны с ранеными. Спрашиваем у них, как, дескать, там дела? Везут их с 3-го Украинского фронта. Говорят, что немцы оказывают большое сопротивление, и потери наши велики.

Добрались до станции Знаменка. Торчим здесь с ночи, а сейчас уже вечереет. Здесь много румын. Они ходят в военной форме со знаками отличия, при оружии, чистенькие, откормленные, — чудно смотреть. Говорят, что это добровольно перешедшие к нам, и что из них формируются военные части и направляются против немцев, и что они там "дают немцам жизни". Черт его знает — может быть!

На перронах устраиваем танцы под баян, иногда присовокупляем еще гитару и мандолину. Собирается масса народу — нашего и «чужого» — смех, пляска, веселье. Из вагонов

тоже доносятся беспрерывно баян и модные песни: «Студенточка», «Огонек» и другие. У нас в машине, кроме того, ежедневно своя музыка — гитара и мандолина. Играем с удовольствием, получается неплохо, нам нравится. Есть кое-какие книжонки из беллетристики, а у меня еще этот дневник. При желании можно не скучать. Кормят нормально. В общем, жизнь — обижаться нельзя. Интересно, скоро ли мы доберемся до места назначения? Думаю, что еще дней 5–6 проедем. Впрочем, нам торопиться особенно некуда, ведь не на свадьбу едем. В сводках Информбюро уже несколько дней затишье. Немцы сопротивляются, а наши, очевидно, готовят новые удары. Интересно, каковы они будут и где последуют. На Знаменке меня назначили дежурить по эшелону. На сутки. Задачи, в общем, несложные: наблюдать за порядком, правильностью несения караульной службы и не разрешать проезд посторонним. Но как же не разрешать, если людям нужно ехать, а пассажирские поезда здесь не ходят. В вагон караульного помещения посадил несколько человек командиров, ну, и на проезд гражданских, где это можно было, смотрел "сквозь пальцы". К себе в машину посадил одну молоденькую медичку и майора. Около машины на платформу посадил трех летчиков, одного капитана и еще двух военных. Часов в десять вечера над станцией послышался гул самолета, и поднялась отчаянная стрельба зенитчиков, которые едут на каждом эшелоне. Самолет не бомбил, и все скоро стихло. Однако мои летчики при первых выстрелах бросились бежать с площадки. Они говорят, что в воздухе не так страшно, как на земле. Майор тоже смылся, а медичку я обнял и на мой вопрос, не хочет ли и она искать укрытия, получил ответ, что она никуда не побежит. Между прочим, женщины очень часто спокойнее относятся к опасности, чем мужчины.

23 апреля 1944 г.

Ползем "черепашьим шагом". Везде стоим по нескольку часов, а когда движемся, то скорость наша не превышает километров 10 в час. Места пошли более красивые, пересеченные лесами и речушками. Здесь гораздо холоднее: кое-где по обочинам ж/д в кустах остатки снега. Продукты здесь становятся все дешевле и дешевле. Яйца — 25 р., молоко — 12 р. Самогон тоже дешевый 100 р. литр. Хорошо, что предыдущая получка ушла у нас на строительство танков, а то понапились бы многие. Мы втроем купили литр и десяток яиц. Выпили культурно. Самогон из свеклы, но хороший. Нам этой дозы, конечно, мало, а денег больше нет. Начали изыскивать другие средства, ну и, конечно, как всегда, нашли. Насажали в свою машину баб штук шесть. Провезти их нужно было километров 60–80. За эту услугу

получаем с них контрибуцию — по пол-литра самогона с каждой. В общей сложности получается подходяще, и вечером устраиваем солидную выпивку. Конечно, на ходу поезда, чтобы не нагрянуло начальство, которое (вероятно, из зависти) на стоянках весьма ретиво осматривает машины и выгоняет обнаруженных пассажиров. Но обнаружить их нелегко, и почти во всех транспортных машинах, где есть наши ребята, едут и бабы. Они взяты и для выгоды, и для забавы, и они тоже ничего не имеют против последней. Некоторые, не имеющие самогона, платят нашим шоферам натурой, а многие не жалеют ни того, ни другого. Но это только одни сутки у нас такие получились, а потом это дело кончилось. Едем без пассажиров. По краям дороги очень много разбитых горелых машин, паровозов, вагонов. Иногда они тянутся беспрерывной чередой. На полях видно довольно много скота. Пашут на лошадях. Огромные площади, насколько хватает глаз, покрыты зелеными всходами озимых хлебов. Это весьма отрадно. Немца отсюда выгнали 1,5 месяца назад.

25-го. 44

Через Винницу проехали на Проскуров.

28 апреля

Утром прибыли в Каменец-Подольск. Разгрузились и своим ходом добрались до г. Хотина. Ехать было интересно. Вся дорога по обочинам завалена немецкими машинами. Почти все эти машины обгорелые и поломанные. Наверно, было много и годных, но их, очевидно, уже пустили в дело. Перед городом Хотином мы переезжали через Днепр. Немцы, очевидно, имели здесь очень веселую переправу. Вдоль берега и по мелководью валяется масса трупов лошадей. Подъезды к переправе и берег загромождены битыми немецкими машинами. Даже из реки торчат кое-где оглобли и прочие предметы. Переехав через Днестр, мы увидели сотни молодых здоровых мужчин в гражданской одежде, занятых работой по ремонту дороги. Оказывается, это местные жители, украинцы. Одежда их нам показалась очень странной. Большинство — босые. Здесь босиком ходят, как только сойдет снег и лед и до следующего снега, и мужчины, и женщины. И вот видишь, иной раз в холодную погоду идут бабы: голова закутана теплым платком, сама одета в бараний тулуп, а ноги босые. Мужчины носят белые полотняные штаны, очень длинные и узкие, но не в обтяжку. Рубахи тоже белые, полотняные и очень длинные, до колен. В общем, сзади если посмотришь, то можно спутать, с непривычки, мужчину с женщиной. На плечи одет или черный шерстяной армяк, или меховой жилет, иногда расшитый узорами. На головах у

большинства самые нормальные европейские шляпы. У некоторых высокие меховые шапки, заостряющиеся кверху.

2 9.IV

Переночевав в Хотине, тронулись дальше. Погода солнечная. Местность красивая. Холмы. Все распаханы и засеяны, причем поля эти издали имеют очень интересный вид — все состоит из небольших квадратиков и полосок. Это потому, что здесь все хозяйства индивидуальные, следовательно, каждый сеет, что хочет и как ему вздумается, — вот и получается пестрота. Дорога хорошая и идет все время с горы на гору. Вдоль дороги и далеко в стороне от нее беспрерывно тянутся домики. Все они, без исключения, чистенькие, аккуратненькие, выбеленные, даже с красочными панелями. Многие даже разрисованы, и есть много замечательных домов. Дворики все огорожены плетнями или дощатыми заборами. На дворах — зеленая травка, как ковер. Много хозяйственных построек, тоже весьма аккуратных. На дворах так чисто, что и окурок постесняешься бросить. Здесь все мужское население дома (нашим ребятам здесь насчет баб будет туго, уж не будет такой «малины», как на Кубани). Скота здесь много и птицы тоже. В среднем каждое хозяйство имеет 1–2 коровы, телку, 1–2 лошади, свинью, штук 5–8 баранов, уток, гусей, кур. Есть и такие, у которых всего этого вдвое больше, чем я тут перечислил. Мы имеем строжайший приказ: ничего ни у кого не трогать. Продуктов питания здесь до черта. Цены очень дешевые. Молоко — 2 р. литр. Яйца — 7 р. десяток. Мясо — около 10 р. Сало — около 20 р. Сахар — 5–8 р. стакан. Масло — 50 р. Хлеба вообще в каждой хате сколько хочешь. Он здесь за товар не считается. В обед прекратили движение. (Ночуем в одном из придорожных сел. Познакомились с внутренним содержанием домиков. Внутри еще лучше, чем снаружи. Чистота необыкновенная.)

Ночевали в одном из селений, имели случай ознакомиться с внутренним содержанием домиков, таких красивых и чистеньких снаружи. Внутри, то есть в комнатах, такая же красота и чистота. Некоторые комнаты настолько раскрашены и расцвечены, что напоминают хоромы какого-либо восточного хана. Тем более, что здесь масса подушек, паласов и др. шерстяных изделий. Между прочим, здесь очень любят спать на перине, а другой периной закрываться. Я не разделяю такого вкуса.

Под вечер видел похоронную процессию. Гроб провожало много мужчин и еще больше женщин. Я полагал, что хоронят какую-либо знатную для этих мест особу, но оказалось, что это просто-напросто померла весьма дряхлая старушка. Похороны таковой где-либо у нас в Москве, пожалуй, не привлекли бы более

десятка человек. И то это, вероятно, были бы ближайшие родственники покойной, считающие сопровождение своей бабушки или прабабушки в последний путь по этой земле своей обязанностью. Здесь же другие нравы, за гробом шло не менее 100 человек, все празднично одеты. Шествие имело вид очень красивый.

Характерно, что все женщины одеты совершенно одинаково, издали можно подумать, что это какая-то армия. Одежда их такая: голова обвязана черной шалью, прямо на голое тело надевается длинная рубаха из белого полотна (нижнего белья, в том смысле, как у нас принято, здесь не существует). Юбок здесь не носят, а носят так называемые спидницы. Это прямоугольный кусок шерстяной черной материи. Длина около одного метра, ширина, в зависимости от роста, мм 800. Тот край, который будет опущен вниз, имеет узорную расшивку красным и зеленым, в виде широкого канта. Эта материя обертывается вокруг талии, и один угол ее подтыкается под широкий, тоже расшитый пояс. Получается некоторое подобие юбки. Спереди совсем как юбка, а сзади, от левого бедра к правой икре, получается открытый угол и сверх него диагональная цветная полоса, создаваемая нижним, расшитым кантом отвернутого утла спидницы. На плечи надет кожушок бараний. Верх у него белый, внутри — черный бараний мех. Кожушок расшит узорами очень красиво. На ногах или высокие ботинки, или вообще ничего нет. По нраву народ здесь очень тихий, скромный, трудолюбивый. К нам относятся приветливо, по крайней мере с виду. Что у них в душе — черт его знает.

30 апреля

Прибыли в другой населенный пункт, находящийся несколько правее города Черновицы, в 14 км от него. Местность, строения и население — аналогично вышеописанному. В этом селе спиртной завод. Спирт гонят из картошки. Ее здесь такая масса, что она во многих местах просто насыпана на дворах. Много ее вообще пропадает, перепроизводство. Немцы и румыны ушли из этих мест без боев. Население здесь войны не видело.

Спиртной завод был брошен в целости, и с большим запасом спирта. Наши пришли через дня два после ухода немцев и румын, так что население имело все возможности растащить спирт по домам, что оно и сделало весьма добросовестно. Спирт имеется в каждой хате. Он, конечно, спрятан. Все же хоть в малых количествах, но нас угощают. Ежедневно приходится где-либо выпить.

Многие из нас злоупотребляют этим делом, то есть ходят пьяные. Есть и такие «герои», которые вымогают этот спирт у

населения, причем способы к этому выдумывают самые разные. Так, например, заходит один в хату и прямо к делу: "Хозяйка! Спирт есть?" Та божится, что нету. Тогда этот тип вынимает компас и говорит перепуганным хозяевам, что эта машина сейчас нам скажет правду. "Освобожу, — говорит, — стрелку: если она забегает, заволнуется, значит — врете и спирт у вас есть". Ну, стрелка, конечно, бегает, и хозяева признаются, что спирт есть, но немного. Вымогатель, человек не гордый, соглашается на «немного».

Другой тип угрожал забрать дочку или сына в армию, если ему не дадут спирта. Но, в общем, таких выродков у нас, конечно, немного. Ведь, как говорится, "в семье не без урода".

Большинство же желающих выпить изыскивают более мирные пути для удовлетворения своей жажды. Еда же здесь вообще ни за что не считается. Женщины здесь держат себя чрезвычайно строго, не то, что кубанские. К этим с чем-либо интересным не подступишься. Девушки на какую-либо даже весьма скромную гуляночку или просто в компанию ходят не иначе как с мамой. Если же девушка будет ходить одна, то такую никто не возьмет замуж. Замуж же здесь выходят очень рано, лет в 13–14. Фронт отсюда еще далеко, но гул артиллерийской стрельбы слышен хорошо.

Рядом — горы. В горах есть враждебная нам группа. Называются они «бандеровцы», очевидно, по имени своего вдохновителя или руководителя. Их, как говорят, человек 800. Это — по слухам — националисты. Наш один полк уже имел с ними столкновение. Говорят, что человек 100 их побили. Кроме того, были случаи одиночных нападений. Вернее, на одиночных военных. У нас таких пять случаев в дивизии. За пять дней. В окружности здесь, очевидно, богатая охота, до черта зайцев, есть утки. Дикие козы. Я один раз ходил с карабином, стрелял три раза по козе — промазал.

1 мая

Ничем особенным этот день не отметил. Весь день сидел за ремонтом часов.

Отремонтировал двое часов и один будильник. Вечером хозяин квартиры, где я живу, угостил спиртом. Поиграли на струнных инструментах, кое-что спели и легли спать. А прежде, бывало, в течение всей своей «взрослой» жизни я проводил первомайские праздники (то есть 1, 2, 3) на охоте. Обычно, на утином перелете.

3 мая

Ездил за деталями для немецкой пушки, которую мне велено восстановить, в город Черновицы. Городок исключительно

красивый и расположением, и постройками, и населением. Очень чистенький, зеленый. Основное население евреи. Но евреи очень своеобразные. Они больше похожи на румын или немцев или какую-либо другую европейскую национальность. По-русски население понимает с трудом, и сами кое-как с нами объясняются, коверкая русские слова безбожно. Костюмы, прически, манеры, обычаи здесь европейские. Мне до сих пор приходилось видеть таковые только в кино или модных журналах. В общем, все это вместе взятое есть "кусок Европы". Все надписи и речь похожи на немецкие. Есть наше кино. Торговля исключительно частная. В магазинчиках много дефицитных товаров. Цены на все недорогие. Продуктов питания до черта. Есть пиво. Водку открыто не продают, но достать можно. Был в довольно приличном ресторане. Съел сытный обед и выпил два литра пива. Все удовольствие стоило 18 руб. Масса красивых женщин, но красота их в большинстве случаев какая-то художественная. В общем, не в моем вкусе они. Нет в них чего-то такого, что вызывало бы желание обладать ими, так, полюбуешься, как на картинку, — вот и все.

7 мая

Утром ехал в город на полуторке. Сидел рядом с шофером в кабине. Кузов был покрыт брезентом, и в нем сидели наши мастера, которых я взял с собой для производства работ. По дороге столкнулись на полных скоростях со встречной американской автомашиной, груженной снарядами. Результаты следующие: один мастер убит, один — тяжело ранен, в голову, двое — только ушиблись. Я и шофер отделались "легким испугом". Наша полуторка разбилась здорово. Американка пострадала мало.

9 мая

Сегодня был суд по поводу вышеописанного случая. Виновником признан мой шофер. Ему дали 10 лет. Мне командир полка дал "для порядку" 8 суток ареста с выполнением служебных обязанностей и удержанием 50 % зарплаты за каждые сутки ареста. Анализируя все обстоятельства происшествия, я не признаю себя виновным в данном деле. А это для меня самое важное. Ну, а кто там что будет думать — мне наплевать.

Между прочим, когда аналогичные случаи бывают на фронте, то там это не вызывает ни суда, ни чего-либо подобного. Хорошо еще, что к нам в кузов не сели еще четыре командира батарей, которые по случаю выходного дня захотели поехать со мной в город. Они что-то долго собирались, и я не стал их ждать. Иначе жертв было бы больше. Хотя, конечно, предугадать что-либо весьма трудно. Вот, например: выехав из того поселка, где мы

стояли, я хотел сам сесть за руль, но сначала решил закурить трубку. Если бы я сам сидел за рулем, вел машину, то катастрофы не случилось бы.

В общем, случай неприятный.

13 мая

Сегодня стрелял из пушки, восстановленной мною на немецком танке Т-4. Результаты очень хорошие. Командир части очень доволен, и мне тоже приятно видеть плоды своих трудов.

15 мая

Продвигаемся помаленьку ближе к фронту, то есть к Карпатским горам или, вернее, к предгорьям. Места здесь красивые. Население густое. Живут здесь тоже украинцы, но уже несколько другие. У них победнее, и нет уже той идеальной чистоты и порядка, какие выше мною описаны. Но все же и эти живут побогаче, чем большинство наших российских. Навстречу нам тянутся бесконечные обозы эвакуирующихся с фронтовой полосы, но эвакуация их не похожа на ту, какую приходилось видеть у нас в России. Эти едут на сытых лошадях, запряженных в огромные фуры. С собой везут массу домашнего скарба, продуктов питания, птицу, ведут коров и гонят мелкий скот. Они похожи больше на цыганские таборы или на каких-то кочевников, чем на беженцев.

В сводках от Совинформбюро давно уже нет каких-либо значительных сообщений. Это затишье, наверно, перед бурей. Последние значительные события были 10–12 мая — освобождение Севастополя и полное очищение Крыма от немецкой и прочей сволочи. По поводу этого в нашей газетке довольно остроумный юмор в виде рекламы циркового аттракциона.

16 июня 1944 г.

Больше месяца не писал ничего в дневник. Почему? Главным образом, по личной недисциплинированности. Ну, а кроме того, жизнь течет довольно однообразно. Все же нужно хоть подытожить коротко события этого месяца. Ездил несколько раз в Черновицы, крепко там поразвлекся. Ходил два раза в кино. Правда, картины шли все больше "так себе", кроме разве "Жди меня". Эта, хоть и очень тенденциозная, но все же неплохая, смотреть не скучно. 2–3 раза был в ресторане. Ресторан открыли неплохой, с джазом, водкой, пивом и закуской. 80 % публики, конечно, наши офицеры. Ведут себя они здесь очень развязно, как дома. Поют, танцуют, спорят, некоторые приводят с собой местных барышень. Очень неплохо «отрывают» с ними танго, фокстроты и прочую «европейщину». Развлекался даже однажды с «девушками» — их, пожалуй, точнее отнести к проституткам, хотя

и не формально. Я, правда, их не искал но уж как-то так все получилось само собой в том доме, где я ночевал. Одной из них я в течение ночи многократно доказал на деле, что наличие у меня бороды отнюдь не означает ослабление моих жизненных способностей.

Однажды ехал из города, сидя на верху груженой автомашины, идущей полным ходом. Голова моя находилась на довольно высоком уровне. Я хорошо знал, что нужно очень внимательно смотреть вперед, дабы не зацепиться головой за какой-либо шлагбаум, сук или провод. Тем не менее в одном месте я зазевался, а через дорогу был натянут провод. Машина шла полным ходом. Рядом со мной сидел один боец, ниже меня ростом. Так его голова прошла под проводом, а моя, как раз на уровне усов, ударилась о провод. Провод зацепился за нос. Голову сильно рвануло назад, и провод все же соскочил с моего лица. Немного подорвал нос да сбил шапку — тем и отделался. Если бы провод был на 2–3 вершка ниже или я сидел бы чуть выше, и попал бы он мне под подбородок, то есть на шею, — то оторвало бы мне башку обязательно. Однажды такой случай был в Москве: ехал грузчик на верху машины, груженной мебелью. Тоже задел шеей за провод, так у него голова осталась только на «ниточке». (…)

На днях было у нас в полку офицерское собрание. Выбирали офицерский совет. Меня выбрали в члены совета единогласно. Хоть и не имеет это особого значения, но все же было приятно. После собрания было небольшое выступление украинского театра, довольно толковое. Затем был очень приличный обед с водкой. Офицеров у нас в полку теперь стало человек 70.

Вчера ездили на стрельбы. Было учебное сражение. Пехота брала с боем одну высоту. Сначала мы стреляли из пушек по укреплениям, сделанным на склоне этой высоты. Стреляли неплохо. Затем, когда пехота достигла уже подножия высоты и начала подниматься по ее склону, мы огонь прекратили. Минометы же продолжали класть мины перед наступающей пехотой метрах в 200 от нее. Однако же один какой-то идиот засобачил мину прямо по пехоте. В результате вышло из строя 8 человек, 3 командира взводов и 5 бойцов. Некоторых поранило довольно здорово. Убитых не было.

Очень меня удивило следующее. Мы стояли большой группой и наблюдали за сражением в бинокли. Был генерал, командир дивизии, затем полковники и подполковники — в общем, до черта начальства, ну, и всякая сошка помельче, вроде меня. И вот когда мина ударила по своим и изранено было 8 человек, на это никто не рассердился и не опечалился. Наоборот, все весело

расхохотались, и посыпалась масса шуток и прибауток. Удивительно, что в этом случае можно найти такого уж веселого?

8-го (кажется) июня стало известно о высадке союзных войск в Северной Франции. Следом затем события на Ленинградском фронте, то есть возобновление наступления наших войск на Карельском перешейке. Отрадно. Вчера немцы бомбили Лондон при помощи самолетов, управляемых по радио, то есть, надо понимать — без людей. Американцы собирают на тайных базах в Китае какие-то новые огромные самолеты: размах крыльев достигает чуть ли не 100 метров, а скорость их превышает все, достигнутые ранее, и летают бомбить японские города. В Италии тоже продвигаются союзники успешно.

23. VI

На фронтах успехи. Позавчера наши взяли Выборг и продолжают продвижение. Пошло дело и около Витебска. На нашем фронте пока "бои местного значения". Но и здесь, по слухам, тоже скоро будет наше наступление. Мы по-прежнему все стоим в противотанковой обороне. Наши боевые машины расставлены в разных местах, и экипажи скучают около них, не имея права отойти даже на 200 метров. Разные прочие личности вроде меня живут гораздо вольготнее.

Находимся в очень симпатичном польском городке Коломея. Красивые домики. Масса зелени. Все чисто, правильно, культурно. Передовая отсюда где 10 км, где — 12–15 км. Ночью хорошо слышно даже пулеметную стрельбу. Немец каждый день стреляет по городу, так, куда придется, но не часто, по нескольку снарядов в день. Первые дни прилетала его авиация, и ежедневно над городом летали «мессера». Теперь давно уже не навещают. Городок живет своей тихой и мирной жизнью, и когда не слышно "голоса войны" с передовой, то даже не похоже, что война все еще продолжается. Люди здесь живут в большинстве своем хорошо. Чисто, культурно, не бедно. Основное население поляки. До войны было много евреев, насчитывалось их до 20 000, а всего населения было 50 000. Сейчас евреев осталось мало, многие пострадали, многие убежали.

Останется в памяти очень богатая и красивая меблировка и убранство большинства виденных мною квартир. Много таких попадается, какие я мог видеть во дворцах-музеях или на сцене в хороших театрах. Я лично тоже устроился неплохо. Отдельная, чистая и красивая комнатка метров 25, на втором этаже живописного домика. В комнате приличная мебель, хорошая кровать с хорошими постельными принадлежностями. На другой кровати в этой комнате спит мой старшина, хороший, приятный человек, очень уважающий меня и ухаживающий за мной. У нас

— патефон, приятные пластинки, струнные инструменты. Иногда — гости. Достал у хозяйки полное собрание сочинений Пушкина и с упоением перечитываю его. Сегодня от души посмеялся, читая его «Гавриилиаду». Неужели такую штуку можно было напечатать в его время? Прямо не верится. В моем полном распоряжении есть автомашина, езжу, куда мне нужно по личным и производственным делам, — сколько мне угодно. Но я этим делом не злоупотребляю, не потому, что боюсь или стесняюсь, а просто потому, что мне и дома пока что кажется не скучно.

Позавчера устроили довольно капитальную пьянку. Я и еще трое лейтенантов. Спирту было много, так что насадились подходяще. Были в нашей компании две барышни-полячки. Довольно хорошенькие. Хорошо танцуют, хорошо поют, хорошо пьют и хорошо целуются. Дальнейшего я не пробовал. Наутро, хоть я и достал опохмелиться, все же чувствовал себя тяжело. Тогда я уехал в самую дальнюю батарею, забрался к комбату, разделся, лег в постель и проспал как убитый до пяти часов дня.

Погода, несмотря на конец июня, стоит довольно прохладная. Часто идут дожди. Очевидно, сказывается непосредственная близость Карпатских гор. Интересно, попадем мы в самые горы или нет. Хотелось бы хоть немного угадать дальнейшее, но, к сожалению, это совершенно невозможно. Война кончится еще не скоро, это ясно. Разве что к весне 1945 года. Хотя, пожалуй, раньше. Эх, хорошо бы за это лето управиться. Ведь все же здорово надоедает шататься по чужим краям без жены или близкого друга. А все эти мимолетные знакомства и встречи абсолютно не приносят спокойной радости и душевной тишины, которой так хочется. Так хочется сидеть в сумерках на диване в уютной комнате, нежно обнявшись с подругой, милой твоему сердцу, и беседовать с ней с полной откровенностью, зная, что душа ее жаждет этой твоей откровенности и тебе заплатит тем же. Как неисчерпаемы бывают темы в таких случаях и как сильно расцветает в человеке все чистое, возвышенное и спокойное. А в нашей жизни о чем все идет речь? В лучшем случае, о войне и о технике. А то все больше о служебных кляузах, которых мы от нечего делать заводим очень много, ну и затем о е… Ну разве это, в конце концов, не надоест? Ну, а что со мной будет или, вернее, что ждет меня, когда кончится война? Тоже абсолютно не имею возможности себе представить! Или демобилизуют, или придется дальше служить в армии. И что получится в том и в другом случае? Черт его знает! Ну, а пока я готов участвовать в самых жарких боях, лишь бы война скорей кончилась.

Сегодня новый помпотех передал мне намерение командира полка повысить меня на довольно значительную ступень в

должности, звании и окладе. Это, конечно, хорошо, но как-то не особенно радует, во всяком случае, не испытываю я от этого ничего похожего на те чувства, которые испытывал когда-то в аналогичных случаях, работая на заводах. А кроме того, заранее вообще ничего не следует испытывать, ибо от разговоров до дела бывает довольно далеко.

Сегодня замечательно провел вечер. Ребят своих отпустил в кино, а некоторых — к девкам. Гостей у меня сегодня не было, и я почти до часу ночи в полной мере наслаждался одиночеством. Замечательно отдохнул. Всем понемножку успел заняться: поиграл на гитаре, затем читал Пушкина. Послушал 5–6 наиболее нравящихся мне пластинок на патефоне. Затем занимался этим дневником. Все это в дыму хорошего табачка, с размышлениями, никем не прерываемыми, — очень люблю такое времяпрепровождение. Сейчас пришел мой старшина, укладывается спать. А я, пожалуй, напишу еще письмо мамаше, да и тоже лягу.

28/VI. 44 года

На днях, очевидно, уедем из Коломеи. Пехота нашей дивизии сегодня уже ушла. Перебрасывают куда-то километров за сорок в такой же городок, как и Коломея. Называется он не то Окна, не то Окно. Это под Станиславом, километрах в 20 от него. К передовой это ближе, но несколько на другом участке. Не знаю, в бой хотят нас бросить или просто перегоняют на другое место и опять поставят в резерв, — побачим.

Как только наша пехота зашевелилась в городе, то есть на городских улицах, так немец сразу же начал бросать снарядами по городу. Черт его знает: не то он имеет возможность с каких-либо возвышенностей вести довольно приличное наблюдение, не то есть у него в городе осведомители, дающие ему соответствующие сигналы. А вернее всего — и то, и другое. (…)

Еще одна тема, которую тоже, пожалуй, придется несколько осветить, ибо она относится к «переживаниям». Дело в том, что в этих местах довольно сильно распространены половые заболевания, и, в частности, самое страшное из них — сифилис. Ребята, приезжающие из медсанбатов и госпиталей, рассказывают, что там таких пациентов находится на излечении очень много. Причем излечение из-за острой дефицитности соответствующих лекарств весьма затруднительно. Как известно, "пуганая ворона куста боится", так и я имел возможность уподобиться этой вороне. Надо сказать в свое оправдание, что я стараюсь воздерживаться от близкого знакомства со случайными женщинами, ведь и я не святой. Так, например, 17 мая я имел дело с одной случайной знакомой, которая по наружному виду

хотя и не подавала поводов к беспокойству, но, судя по ее поведению, беспокоиться было можно. А в другой раз и "в тихом омуте черти водятся", а уж триппер или сифилис тем более могут завестись, ибо эти две прелести много реальнее чертей. И вот, помню, дней пять после этого происшествия я все ожидал, нет ли трипперка. Это еще не так уж страшно. Знаю случаи, когда ребята у нас излечивались от этой прелести недели в 2–3. Ну, прошла неделька благополучно, — значит, триппера нет. Дальше наступает думка: не подхватил ли чего-нибудь «почище». Для того чтобы убедиться в том, что все окончательно благополучно, нужно полтора месяца. И вот этот срок при наличии малейшего подозрения является весьма неприятным. А подозрения в это время внушает уже каждая мелочь, на которую в другое время не обратил бы никакого внимания. Малейший прыщик уже приносит беспокойство. Кстати, если бы мне захотелось или понадобилось бы выяснить что-то у моей знакомой, то это не удалось бы сделать, ибо она таинственно исчезла. Выяснилось это так: иду однажды в Черновицах мимо той квартиры, где она жила, вижу: окна забиты крест-накрест досками и пробиты пулями. Спросил одного старика: "В чем дело?" — "Точно, — говорит, — не знаю, как тут получилось дело, но, в общем, пьяные офицеры разодрались из-за баб". Прибегал чуть ли не целый взвод из комендатуры, били из автоматов по окнам, и из дома стреляли тоже, в общем, была целая война. А наутро там уже было все тихо и пусто, а квартиру забили. Вот и все.

Но вернусь к начатой теме. Повторяю, эти «карантинные» периоды, в которые сначала выясняешь, не поймал ли триппер, а затем беспокоишься насчет сифилиса, — весьма неприятны. Ну, насчет триппера мы уже договорились, что это, если не запустить, не такое уж "зло большой руки", но вот «сифончик» — действительно дело дрянь! Самое неприятное в этот период «выяснения» для меня лично то, что ведь живешь все время вместе с товарищами. Котелки, ложки и прочее — все это общее. А вдруг ты болен? И можешь заразить ни в чем не повинных товарищей. Вот это очень неприятная сторона дела, — ну, а что можно сделать? С другой стороны, ведь и все эти товарищи тоже занимаются подобными развлечениями, причем в гораздо большей степени, нежели я, и они также не имеют никаких гарантий благополучного исхода своих мимолетных приключений. Но мне кажется, что у них в мыслях нет ни тени беспокойства о товарищах.

Хочется для аналогии привести здесь один случай, происшедший со мной еще в юношеские годы, когда я учился, кажется, в седьмом или восьмом классе. Короче говоря, один из

первых опытов моего знакомства с женщинами.

Дело было в один из жарких летних дней. Иду я однажды по большому запущенному саду, в котором мы тогда жили. Вдруг в стороне от дорожки, далеко от дома, в высокой густой траве — лежит красивая, молодая, хорошо одетая девушка. Лежит на спине, голова — набок, руки и ноги тоже в довольно «вольном» положении. Известно, как кипит кровь в юности. Я стою и смотрю на нее. Она спит. Вдруг до меня доносится сильный запах водки, и мне все становится ясно. Дело в том, что у одной из жительниц этого дома уже с утра справлялись именины или что-то в этом роде. Оттуда неслись громкие песни и шум, соответствующий подобному случаю. Передо мной лежала одна из этих гостий, очевидно, не рассчитавшая свои силы, в опьянении забредшая в этот укромный уголок и здесь заснувшая. Мысли мои приняли сразу весьма определенный оборот, и «наполеоновские» планы родились. Не буду описывать подробности, они и так ясны, в общем, занимался я ею, сколько у меня хватило силы и желания. Она так и не проснулась, сопротивление вначале оказала, но весьма слабое, а затем даже обнимала меня и называла ласковым именем, но не тем, которое мне присвоил поп-батюшка. Очевидно, у нее был какой-то дружок, за которого она и приняла меня.

Сразу же после «наслаждений» возникли «опасения». Я немедля обмылся в прохладном ручейке, который к моим услугам пробегал совсем рядом, а такое мероприятие является весьма действенным профилактическим средством от всех бед этого рода. Так дело бы и кончилось, но через несколько дней у меня на соответствующем месте вскочил прыщик. Прыщик самый обыкновенный, которых мало ли вскакивает на нашем теле. Но этот прыщик выбрал место не совсем обыкновенное, да плюс вышеописанное происшествие. Короче говоря, я здорово взволновался. И опять-таки главной причиной моего беспокойства была не личная опасность, хотя в душе я уже решил, что это сифилис, но беспокоился я о том, что, вращаясь беспрерывно в кругу друзей в школе и дома в семье, я могу заразить (ни в чем не повинных) людей страшной болезнью. В то время или совесть у меня была другая, или возможностей тогда было больше, только я сразу же отправился в клинику и попал на прием к врачу-женщине. Она, помню, сидела на стуле, и, чтобы она получше могла рассмотреть мою болезнь, я прямо чуть не под нос ей представил свой аппарат, она даже отстранилась и говорит: "Дальше, дальше, я ведь не слепая, увижу, что нужно".

Осмотрела она меня и сказала: "Никакой болезни у вас нет". Я хоть и вздохнул с огромным облегчением, как будто гора с плеч

свалилась, но все же не полностью уверовал в ее слова и попросил ее произвести анализ моего здоровья в лаборатории. Она усмехнулась и, уступив моим просьбам, дала мне направление на исследование. В лаборатории мне было приказано за результатом анализа явиться через три дня, и вот эти три дня я опять чувствовал себя весьма паршиво. Черные мысли вновь овладели мной, я уже строил планы, что делать, если у меня сифилис. В вылечивание этой болезни я не верил, да и стыд уж больно меня мучил. Однако мысль о самоубийстве мне тогда в голову не приходила. Решил так: если у меня действительно сифилис, то я исчезну из города, чтобы никто не знал. Заберусь к черту на куличики, в далекие дикие горы к киргизам и проживу там, пока не развалюсь, а может, раньше на охоте или в драке потеряю башку, — и черт с ней. Нужно сказать, что в то время, то есть примерно в 1927 году, вследствие очень некультурных условий жизни узбеков и киргизов и невозможности сразу охватить медицинским обслуживанием всю массу населения, заразные болезни в тех местах были очень распространены. В частности, были районы, отдаленные от города, где до 20 % местного населения было заражено сифилисом. (…)

Как все-таки странно устроена человеческая психология! Ведь какое, в сущности, дело человеку, что о нем будут думать после его смерти? Но, однако, для меня этот вопрос имеет весьма большое значение, и не хочу, чтобы люди, особенно те, которые мне дороги, а такие все-таки есть, вспоминали обо мне как о предателе или негодяе или даже как о дураке. В общем, тема эта пока закончена, а через пятидневку закончится и карантинный период, вызвавший ее. Тогда посмотрим, насколько мои действия будут соответствовать тому, что здесь мною написано.

29/VI

С фронтов опять много хороших известий. Нашими войсками взяты города Могилев, Шклов, Быхов и масса других населенных пунктов. Везде прорывы, продвижения, окружения и уничтожения. О союзниках тоже есть небольшая статья. Только ее прямо чудно читать. У них, видите ли, там имеются успехи на фронте протяжением в 4 мили!! Это в то время, как наши войска прорвали вчера фронт на Днепре на участке в 120 км!

Правда, дело не всегда в количестве километров, но все же факт, что они там не торопятся особенно развивать свой успех.

1 июля

Взят нашими войсками Петрозаводск, и полностью очищена железная дорога Ленинград — Мурманск. Сводка о потерях противника с 23 по 27 июня гласит: убитыми и пленными 77

тысяч. Масса разной техники. В общем — здорово!

Давно нет никаких известий от жены. Это тем более неприятно, что ей должны были сделать в Москве операцию, и это молчание может быть следствием неблагополучного исхода.

3 июля

Сегодня на базарной площади вешали одного немецкого «щенка» работника гестапо, который, несмотря на свой тщедушный вид, успел натворить много мерзких дел, за что был многократно премирован немецкой контрразведкой. Он сам лично успел убить 60 человек советских людей и вершил много подобных дел. Меня больше интересовала техника повешения, а не моральная сторона этого дела. Техника эта недалеко шагнула вперед по сравнению с тем, что мне приходилось видеть в 1919-20 году, когда я был 6-7-летним мальчишкой. Только роль табуретки играет теперь самая обыкновенная и такая же невинная полуторка ГАЗ-АА, которая с открытыми бортами подъезжает под виселицу и, после того как на осужденного наденут «галстук», отъезжает или, вернее, выезжает из-под него, а он остается висеть в воздухе. Впечатления от этого никакого не осталось, ибо собаке собачья смерть. Что тут особенного? Между прочим, жена его (20 года рождения, а он с 17) очень убивалась, присутствуя при сем спектакле, а раз уж так убивалась, следовательно, была с ним солидарна в его делах, а раз так, то недурно было бы и ее за компанию повесить рядом с муженьком, места на перекладине хватило бы, ну, а веревочку как-нибудь нашли бы, базар рядом.

Народу было много, и аплодировали очень дружно. А в общем, черт с ним — даже писать, пожалуй, не стоило.

У меня сегодня был банный день. Как и в прочих делах, я и в банном деле стараюсь быть индивидуалистом, когда, конечно, к этому есть хоть малейшая возможность. Что делать, не люблю общих бань, тем более полевого типа. Конечно, индивидуалистом плохо быть, я это сознаю и отнюдь не похваляюсь этим, а просто констатирую факт. Короче говоря, вот уже несколько раз нам удавалось сделать таким образом: в ясный, солнечный денек я со своей мастерской, то есть с шофером и двумя мастерами (весь мой штат на сегодняшний день), выезжаем куда-либо за город к речке. Так, два раза были в польской усадьбе, хозяин которой сбежал. Шикарный дом, дров сколько угодно, воды тоже. И вот мы греем сколько нам нужно воды, моемся, потом ребята стирают барахло. Затем все это развешивается на солнышке и на ветерке и за 2–3 часа великолепно высыхает. А мы тем временем загораем на солнышке, я читаю, ребята забавляются патефоном или гитарой или расстреливают стенки придворных построек из пистолетов. Время бежит приятно и мирно. К этому надо

добавить, что мы всегда сыты, но, несмотря на это, ребята все же достают обычно молока, и мы им балуемся с хлебом и сахаром это тоже приятно.

Сегодняшний день был в основном похож на вышеописанное, с той только разницей, что на этот раз мы проехали немного дальше усадьбы и расположились около домика, где были бабы-хозяйки. Они нас очень радушно приняли, перестирали нам все, что было к этому предназначено, поили нас молоком, в общем, оказали нам полнейшее гостеприимство.

Сейчас уже второй час ночи. Только что ушел от меня один наш лейтенант, командир боевой машины Петя Каплан. Он командует боевой машиной, но по природе своей отнюдь не вояка, и дело военное он ненавидит, как и всю военную службу в целом. Он музыкант и мечтатель, в нем много еще юношеского, да и лет ему всего 21 или 22. Он имеет большую любовь к музыке и обладает весьма незаурядными способностями. Замечательных успехов он добился в игре на гитаре. Его очень приятно слушать, причем характерной для его игры чертой является нежность и мелодичность. В его руках гитара, даже самая заурядная по качеству, поет и плачет. Конечно, есть люди, играющие лучше его (все в жизни относительно), но таких мне не часто приходилось встречать. В сравнении со мной он играет обворожительно. Я многому у него научился в этом деле. Очень любим мы играть одновременно на двух гитарах. Хорошо получается. Кроме того, этот Петя большой охотник до женского пола.

Тетрадь № 3

26 июня 1944 года

В этой тетрадке мне хочется (насколько позволит память) отразить события лета 1943 года, а точнее, август, сентябрь и октябрь. Стройного повествования здесь у меня не получится. Даты тоже не будут точно соответствовать действительности, ну и пусть, это меня мало беспокоит. Мне дороги наиболее запомнившиеся впечатления от событий, свершившихся в отдельные отрезки времени. Все же постараюсь эти отдельные отрезки располагать в хронологическом порядке, хотя бы для того, чтобы было удобнее воспроизводить все это в своей памяти.

Горно-Веселый

Это небольшой хутор, расположенный на гребне высокого холма. Весьма выгодная позиция. Ее занимали немцы, господствуя над очень большой площадью, расположенной ниже. Немцы имели хорошие возможности с этих позиций вести наблюдения и прицельным огнем своей артиллерии и минометов сильно затрудняли действия наших войск. Наши войска несколько раз стремились выбить немцев из Горно-Веселого, но эти попытки долгое время оставались безрезультатными. Потери в живой силе и технике с нашей стороны (там) были довольно значительные.

Боевые машины нашего полка принимали активное участие в боях за Горно-Веселый. Две или три из них получили прямые попадания немецких снарядов и вышли из строя. Одна машина сгорела. Командир и орудийный расчет, хотя и были ранены, но остались живы. Механик же выбраться из машины не успел и сгорел вместе с ней. Я хорошо был знаком с ним. Он был высокий, красивый, очень вежливый и веселый парень. Мне в этих боях случалось многократно быть под интенсивным артобстрелом, ибо находился я непосредственно у боевых машин на ОП и часто бывал в положениях худших, чем экипажи наших машин и даже пехота, ибо те и другие хоть от осколков защищены, первые — броней, вторые — землей. Я же, лазая от машины к машине, не имел никакого прикрытия. Одно спасение, что ляжешь на землю, когда предчувствие говорит, что вот этот летящий снаряд разорвется слишком близко. Иногда бывает необходимость идти в каком-то направлении. Перед тобой открытая местность под прицельным огнем немцев. То там, то здесь беспрерывно рвутся немецкие снаряды и мины. Но нужно идти, и идешь. Осколки со свистом проносятся над головой или падают рядом — ощущение получается весьма своеобразное. Еще

интереснее попадать под артобстрел, едучи на автомашине. Особенно, когда в кузове много народа. Паникеры попадаются обязательно. И начинают орать шоферу: "Гони, гони!", а, между прочим, как угадать, куда гнать, если снаряды рвутся и спереди и с боков?

Лес

Вообще, о Кубани у меня осталось впечатление как о местности, не богатой лесом… но недалеко от станицы Крымской мне пришлось побывать в лесу замечательном. Не знаю, насколько этот лес велик по занимаемой им площади. Лес, очевидно, очень старый и состоит из лиственных деревьев. Деревья в нем исключительных размеров по толщине стволов и по вышине. Многие из них в поперечном сечении будут не меньше сажени. Подлеска или кустов внизу почти нет. Кроны деревьев давно соединились друг с другом и образовали на большой высоте сплошную зеленую крышу, так что солнечные лучи не проникают сквозь нее, и, несмотря на то, что я был в этом лесу в самую июльскую жару, там царили полумрак и прохлада. Среди этих огромных деревьев легла военная дорога, по которой в обоих направлениях шло непрерывное движение, но все двигавшееся казалось муравьями в сравнении с лесными исполинами. И даже лесная тишина, обычно весьма чуткая на всякие звуки, не нарушалась.

Овраг

Из района боев за Горно-Веселый и Нибердаевскую нас оттянули и определили в противотанковый резерв. Но новое место расположения боевые машины вышли, как обычно, ночью. Я с санитарной машиной ехал следом. Немец немного нас обстрелял, два снаряде разорвались в нескольких метрах от дороги, но никто не пострадал.

Новое месторасположение представляло собой две параллельные линии фронта холма, а между ними глубокий и довольно узкий овраг. В этот овраг и нужно было бы сразу поставить машины, но наши сперва выперли их на бугор. Немец, очевидно, услыхал гул наших моторов и на рассвете устроил артналет, да и в течение следующих дней беспрестанно клал снаряды в непосредственной близости от нас. В первое же утро у нас были потери: расчет одной из боевых машин, три человека, сидели за машиной на земле, а командир их, лейтенант Бирюков, был от них в 2–3 метрах. Он лежал в неглубокой ямке. Немецкий снаряд ударил как раз около Бирюкова, но ему не причинил вреда, а люди, сидевшие около него, все были убиты. Так все рядком и легли. Тут мы и закопали их и даже никакой надписи не сделали. Позже я всегда любил ходить на этот бугор, когда уже

темно, ибо с него очень красиво было наблюдать «иллюминацию» на передовой. И я всегда заставлял себя проходить по тому месту, где зарыли мы наших ребят, хотя во мне всегда присутствовала при этом частичка какого-то мистического страха, ибо этот участок холма более других находился под прицелом у немцев.

Днем машины спустились в овраг и окопались. Приехала наша кухня, штаб и прочее, и стояли мы в этом овраге дней 20. В нем, очевидно, проходила предыдущая линия обороны немцев. Оборудованы великолепные блиндажи, целые подземные дома. По всему оврагу, да и кругом него в полях, масса немецких трупов, кое-как присыпанных землей. Во многих местах торчат из земли ноги, руки, головы. Вони особой не чувствовалось, но стоять в этом овраге было очень неприятно. Я хорошо оборудовал себе землянку и жил в ней неплохо. Иногда далее спал прямо на открытом месте, хотя осколки от разрыва снарядов падали частенько в непосредственной близости. В сторону противника, ближе к нему, было большое виноградное поле, и виноград уже начал поспевать. И вот мы повадились лазить в этот виноградник и таскать оттуда виноград целыми мешками. Немцам это дело было очень хорошо видно, и они обычно обстреливали нас из минометов, но мы все равно лазали, несмотря на опасность и запрещения собственного начальства. От всего этого виноград казался еще слаще.

Из этого оврага я ездил в Краснодар. Купил там гитару и мандолину, хотя и старенькие, но весьма приятные по звуку, и в последующие дни уделял очень много времени игре на них. Иногда к нам в овраг приезжала кинопередвижка, и мы, замаскировавшись сверху вездесущими плащ-палатками от вражеских самолетов, "наслаждались культурой". Если у нас не было никакого занятия, то мы по звуку разыскивали кино где-либо в соседней части, иногда за 1–2 км, и лазали туда и оттуда ночью напрямик, рискуя подорваться на мине или какой другой чертовине, а разной сволочи валялось в этом районе жутко сколько, и, что хуже всего, неизвестного устройства.

Женщины на фронте

Очень много женщин в организациях, хотя и военных, но находящихся обычно далеко от передовой. Это медсанбаты, госпитали, банно-прачечные комбинаты, пекарни, всевозможные канцелярии и так далее — эта категория женщин в мою тему не входит. Я мало бывал в подобных учреждениях, но, думаю, что характер существования вышеупомянутых женщин совершенно иной, чем у женщин, находящихся непосредственно на фронте, то есть в частях действующей армии: в пехоте, в артиллерии, в танковых частях, в самоходных артполках, в саперных батальонах

и так далее, и тому подобное.

Этих «фронтовых» женщин очень немного. Есть они обычно в каждой части, от 2 до 5 человек. В подавляющем большинстве — это санинструкторы или, как их раньше называли, медсестры. Меньшее количество — это фельдшеры в звании лейтенантов или старших лейтенантов медицинской службы. Иногда встречаются медички в звании капитанов, но это редко, так как в действующих частях у передовой нужно уметь только оказать раненому первую помощь и возможно быстрее отправить его в медсанбат, находящийся обычно километрах в 10–12 от передовой. Там уж его будут оперировать, если нужно, следовательно, там нужны крупные медицинские силы.

Возраст этих «фронтовых» женщин обычно 20 лет +- 2–3 года. Деятельностью своей они, конечно, приносят огромную пользу нашей армии. Все лишения и тяготы военной жизни достаются им в полной мере, и, надо сказать, что выносят они все это стоически и снисхождения не просят.

Больше всего достается, конечно, тем, кто служит в пехотных частях. Сотни километров пешком, с полной выкладкой, в жару и пыль или по снегу и морозу — это очень не легко даже для мужчин. Это на походе. В боевых условиях им тоже не слаще, чем остальным бойцам. Они находятся все время вместе с бойцами: и на походе, и в бою, и переносят все то же, что и остальные. Иной раз смотришь на них и думаешь: "За что же ты, бедняжка, мучаешься?"

Особенно тяжело смотреть на израненных или убитых девушек. В отношении храбрости можно с уверенностью сказать, что мужчинам они не уступают ни в коей мере. Мне приходилось видеть много случаев, когда было даже наоборот. Бывает в них и задор, и веселость во время опасности. Например, в том же овраге. Однажды немец вел сильный артобстрел. Все залезли по норам и щелям, и на поверхности земли никого не было. Я, правда, не спрятался, потому что тоже люблю пофорсить, хотя это, может быть, и не умно. Я сидел на некотором подобии стола на открытом месте и что-то писал. Вдруг вижу, идет по направлению ко мне молодая красивая женщина-медичка в чине капитана. Идет спокойно, не торопясь, и вдруг раздается ее мелодичный голос: "Хлопчики, и что ж это вы все заховались?" И пошла дальше своей дорогой. Эти простые слова ее и сам вид спокойно идущей женщины, да притом еще такой миловидной, так ободряюще и успокаивающе подействовал, что многие повылезали из своих убежищ и принялись за прерванные дела. Так часто бывало и в боевой обстановке: видишь вдруг девушку, ведущую себя в момент опасности спокойно и смело, ну, и сейчас

же мыслишь: "А мне ведь положено быть вдвое храбрее ее".

О том, как девушки-санитарки спасают раненых под огнем противника, уже много писано — это факт. Также и уход их за ранеными и больными бойцами, конечно, очень приятен, гораздо приятнее, чем если бы вместо них были мужчины. В общем, за все это хвала им и честь: они делают огромную работу на фронте и гордиться этим имеют неотъемлемое право.

Все вышесказанное является, как бы сказать, деловой стороной вопроса, а теперь мне хочется немножко проанализировать еще моральную, что ли, сторону моей темы, то есть "Женщины на фронте".

В основном, придется коснуться их взаимоотношений с мужчинами и затем сказать пару слов о том влиянии, которое оказывает на них фронтовая жизнь. Чтобы не ограничиваться в этом вопросе одними заключениями, чтобы избежать голословности, я, для начала, хотя бы вкратце опишу жизнь тех женщин, с которыми мне приходилось сталкиваться, то есть женщин нашего полка. Начнем с самой первой — наш полковой врач, женщина в чине капитана медицинской службы. Ей 25 лет. Она москвичка. Наружность ее самая обыкновенная. По крайней мере, нет в ней ничего неприятного. В общем, по нашей мужской оценке, как баба она вполне удовлетворительная. Замужем до войны не была, но все же поступила к нам она, будучи отнюдь не наивненькой. В Москве у нее хорошая квартира и любящие папа и мама.

Эпопею свою она начала с того, что вступила в сожительство с нашим командиром части. Такое предпочтение начальству бывает очень и очень часто Думаю, что фронтовики согласятся со мной, если я, в целях упрощения формулировки, скажу: "Полковой врач, ее ли это, конечно, женщина, живет с командиром полка; батальонный — с командиром батальона; ротный санинструктор — с командиром роты, батарейный — с командиром батареи и так далее". Конечно, часто бывает и не так но, во всяком случае, такая "организационная структура" в этом деле весьма характерна. Дело в том, что уставные обычаи в армии настолько сильны, то есть во всем и всегда отдавать предпочтение старшим по званию и должности что эти «старшие» обычно имеют в деле любви вдвойне выгодную позицию. Во первых, и сами женщины предпочитают людей вышестоящих, и, кроме того, в силу описанных мною выше уставных традиций, подчиненные-мужчины предоставляют все возможности своему начальнику. Если начальник части или подразделения захочет связаться с женщиной, поступившей в его подчинение, чаще всего он, во-первых, не встретит особого сопротивления со стороны

намеченного объекта, а во-вторых, у него не будет соперников. Но начальнику следует сразу же по прибытии в его подчинение женщины конкретно и явно определить свое отношение к ней, ибо подчиненные будут живо интересоваться этой ситуацией, и если будет видно в течение первых же дней, а иногда и часов, что начальник не думает заняться вновь прибывшей, то кто-либо из других, меньших начальников, возьмет инициативу в свои руки. Такой неписаный закон обычно имеет место, если сама по себе вновь прибывшая женщина представляет нечто привлекательное. Причем мы здесь, конечно, гораздо менее требовательны, чем в тылу. Если же этой привлекательности в объекте нет, то начальство обычно ею заниматься не будет, и она попадет в зону интересов сержантского и рядового состава. И в этой зоне старшины и сержанты будут иметь преимущество перед рядовыми. В общем, бедному солдату в отношении любви на фронте если и достается, то только самый последний сорт. Впрочем, слово «любовь» употреблять в этих моих рассуждениях будет кощунством потому, что если любовь и существует где-нибудь на этом свете, то уж, во всяком случае, не на фронте. А здесь одна е…

Если все вышесказанное можно назвать некоторым правилом, то, как и из всякого правила, и здесь бывает много исключений. Однако я далеко отвлекся. Вернусь к начатому описанию существовавшей у нас А. Ф. М. Впрочем, подобные отступления будут у меня и в дальнейшем, если они будут, кстати, ибо меня ведь интересуют, собственно говоря, не те живые персонажи, о которых я пишу, а те выводы и заключения, которые можно сделать, опираясь на факты из их действительного существования.

Итак, А. Ф. М. сошлась с командиром части, и время у них побежало весьма недурно. Всю дорогу от Москвы до фронта ехали они вместе. Водочки и деликатной закуски в фонде командира полка всегда хватает. В общем, наслаждались друг с дружкой и веселились, как могли. Но прошло немного времени, мы вступили в боевые операции, и нашего командира полка убило наповал немецким снарядом. Мы отдали убитому командиру последние почести, а А. Ф. поплакала над его телом, затем присвоила себе "на память" некоторые его личные вещи и… весьма скоро забыла о нем. О ее следующих связях ходило много всяких разговоров, но поскольку у нас вообще говорят обычно в десять раз больше, чем делают, а, кроме того, я сам не имел возможности видеть подтверждение этим слухам, то и не буду о них писать. Я лично имею основание сказать, что в дальнейшем было с ней так: временно исполняющим обязанности командира полка был

назначен наш начальник штаба — очень несимпатичный человек, даже, можно сказать, очень большая сволочь — С. Его все в полку ненавидели. (И довольно скоро выгнали.) Этот С. решил занять место убитого не только в должности, но и в постели. Впрочем, это часто так и бывает и соответствует моим рассуждениям. Но на этот раз (хотя и болтали досужие языки) дела не получилось, — он получил отпор. После этого начали уверять, что она находится в связи с нашим начальником разведки, капитаном, но, однако, она сама под большим секретом рассказала мне, что как только он прибыл к нам, то обратился к ней с просьбой закончить начатый им курс вливаний от сифилиса, который он еще не вполне закончил. И этот случай лишний раз доказывает, как у нас любят по малейшему поводу выдумывать всякую напраслину. Поводом к этим ложным утверждениям было то, что их часто видели вместе. Ко мне в гости они приходили вдвоем. Он хорошо играл на гитаре, знал много хороших песен и сочинял их замечательно, ибо учился в Консерватории, кажется, в ленинградской. В сентябре 43 года во время уличных боев в г. Новороссийске этого симпатичного молодого капитана убило немецким снарядом, когда он находился на колокольне одной церквушки, откуда вел наблюдение за боем. Так А. Ф. довелось лично похоронить второго своего близкого знакомого. Отношения у них были очень теплые, но если версия о сифилисе верна, то это, конечно, исключает возможность каких-либо предположений.

Не прошло и 10 дней, как я имел случай убедиться в том, что она находится в связи с нашим командиром батареи лейтенантом С. Впрочем, об этом говорили еще раньше, да и сам я замечал кое-что, примерно с месяц назад. Однако и с этим лейтенантом связь продолжалась недолго, так как вскоре после Взятия Новороссийска он погиб в бою смертью храбрых, как и большинство наших ребят. Ей же опять по должности и по желанию пришлось заняться его похоронами. Парень был он тоже хороший, впрочем, «парнями» всех этих людей называть будет неправильно, ибо все они имеют где-то жен, а некоторые и детей.

В следующее время, то есть во время нашего боевого пути от Новороссийска до Тамани, она мало появлялась на передовой, а была больше во втором эшелоне, поэтому я мало ее видел, да и не до нее было. Помню только, что кто-то рассказывал мне о том, что она в интимной беседе говорила, что желает забеременеть, чтобы развязаться с надоевшим фронтом, и что мать с отцом ей на такой вариант намекают в письмах.

После боевых операций мы довольно долго стояли в довольно паршивой станице Благовещенской. Это было в октябре. В это время я заметил, что она очень часто находится вместе с

командиром полка и что близость их весьма интимна. Выяснилось, что она добивалась разрешения съездить в Москву в отпуск. Эта затея ей удалась, и, по некоторым признакам, я думаю, что командир полка перед отъездом с ней все же «побаловался». Она говорила мне, что надеется на возможность остаться в Москве, ибо у нее есть там соответствующие связи. Однако ей не удалось это, и она вернулась к нам, когда мы стояли на формировании в одной симпатичной станице. Это было в ноябре. В этот период я с ней мало встречался. У каждого были свои занятия и развлечения. Кроме того, было в этой станице много женщин из гражданского населения, а в таких случаях мы всегда очень мало внимания уделяем своим полковым, и на это время они как-то отходят на второй план. Но это временно: как только мы опять будем в походе, в лесу или в горах и они будут вновь среди нас одна на 100 человек, — снова они будут «королевами». В то время на должности командира одной из наших батарей был хорошенький молоденький парень 1924 года рождения. Звали его Саша Х. Он был очень веселый, и смех у него был звонкий и чистый. Бывало, еще издали слышно его по его смеху. Правда, никакого особого «внутреннего» содержания я в нем не заметил, хотя особенно интимной дружбы с ним у меня не было, так что я не имею права касаться ничего, кроме наружных впечатлений, производимых им.

Однажды он крепко заболел и долгое время лежал в нашей санчасти. С этого времени, не знаю, по любви или по случаю, но А. Ф. соединила с ним свою дальнейшую судьбу. В скором времени они подали рапорт командиру полка, чтобы он разрешил им брак. Командир полка был согласен, и они стали мужем и женой. Так оформляется бракосочетание на фронте. Впрочем, это бывает весьма редко. В дальнейшем я несколько раз собирался поговорить с ней о том, насколько этот брак будет полный и прочный, но так как-то и не собрался. Поэтому ограничусь коротким описанием своих собственных наблюдений по этому поводу.

Некоторое время отношения их были, по-видимому, весьма хорошие, тем более мы в эту зиму не воевали, и они, следовательно, имели полную возможность наслаждаться друг другом. Однако к концу зимы я стал замечать, что в их отношениях появилась некоторая трещина. Имели место некоторые сплетни, доходившие до Саши, и он принимал их близко к сердцу. А следовательно, были неприятные объяснения и прочее, а это уж не идет обычно на пользу укрепления любви. Кроме того, он уже к тому времени ею насытился, а она забеременела. Я видел часто, что она очень печальна, хотя и

старается скрыть свою печаль. Мне, признаться, было жаль ее. В конце июля наша часть вступила в жаркие бои, и я опять на некоторое время потерял ее из вида. Но когда я иногда видел ее, то она справлялась с тревогой о своем Саше и передавала ему привет. И вот в начале августа Сашу постигла участь его предшественников по А. Ф. Короче говоря, его здорово искалечило немецким снарядом, и его отвезли в госпиталь. Не знаю, как это повлияло на А. Ф., я ее в то время не видел. Все же было заключение, что он, хоть калекой, но будет жить. Однако через несколько дней известили, что Саша умер. Стали подготавливаться к его похоронам, заказали ему гроб, но сообщение оказалось ложным. В это время наша часть с боями продвинулась вперед. Все же через несколько дней Саша умер в госпитале, уже далеко от нас, и А. Ф. поехала хоронить его. Я видел ее и говорил с ней после ее возвращения. Она была довольно спокойна, пробыла у нас еще с месяц. Затем ей дали провожатого, и она уехала в Москву, и больше, конечно, к нам не вернется. Недавно она ездила в Воронеж к Сашиным родителям. Пишет, что они очень убиваются о своем сыночке. Вот и вся ее полковая история. В общем, скажу, что она была лучше многих мною виденных фронтовых женщин не в отношении наружности, а в отношении своего содержания и даже поведения. Она хорошо умела обращаться с нами. С большинством она была в дружеских и даже панибратских отношениях, но все же умела не терять человеческого облика и имела вследствие этого некоторое уважение у нас в полку, несмотря на резкую и полнейшую критику со стороны мужчин, конечно, заглазно. Но это уж неизбежно.

Вместо А. Ф. нам прислали из какой-то танковой части тоже женщину, старшего лейтенанта медслужбы. Она молодая, фигуру имеет неплохую, но лицо очень грубое. В армии она уже шесть лет, два раза ранена. Участвовала в финской кампании и на этой войне с самого начала. За это время она до того испохабилась, что прямо жуть. Ругается матом, очень свободно выговаривает самые похабнейшие слова — все это очень противно. Пробыла она у нас всего месяц, а за это время короткое успела удовлетворить желания нескольких наших офицеров… Но можно ли все-таки считать ее дрянью, если она уже шесть лет в армии, из которых четыре года на фронте, и два раза уже проливала свою кровь за нашу Родину? Ее от нас перевели и вместо нее прислали мужчину, ст. лейтенанта медслужбы. Оно и лучше — меньше будет страстей.

В июне 1943 года, когда мы стояли на ремонте в лагерях близ станицы Абинской на Кубани, нам в полк прислали сразу трех

или четырех женщин — все молоденькие, но по наружному виду все "так себе". Одну из них, Валю, определили в нашу санчасть в качестве санинструктора. Она была лучше трех других. Все они были направлены на нашу кухню. Две из них как-то ничем не отличились, в памяти моей что-то они не остались и скоро были от нас отправлены. Но одна из них оставила в нашем полку «хорошую» память, отличилась. Она несколько дней, что называется, осматривалась, а затем в одну ночь сумела заразить триппером одиннадцать наших ребят, причем восемь человек офицеров. Ну, эту, конечно, тоже выгнали. Осталась из них только одна Валя.

Она из Сталинграда. Имела там мужа и ребенка. Попала в армию в качестве санинструктора и с самого начала войны работала в полевых госпиталях, многому научилась, была ранена, — это все до зачисления к нам. Поведение ее было в нашем полку неплохое, хотя болтали о ней черт знает что, но верить — оснований нет. Скоро она связалась с шофером санитарной машины и больше года жила с ним дружно. Друг другу они не изменяли и напоминали супружескую пару. В отношении работы досталось этой Вале у нас нелегко. Приходилось ей быть с нашими машинами в бою, в самом пекле. В одном из таких боев она получила тяжелую контузию. После контузии долго тряслась и не могла говорить, но потом это у нее прошло. Два раза ее придавливало автомашиной, но и это кончилось благополучно. Она вообще многое пережила, и это повлияло на нее удручающе. Она редко улыбалась и никогда не веселилась. Да и поводов к веселью у нее было мало. Остались у нее родные в Сталинграде, а известий от них долго никаких не было. В санчасти ее что-то обижали сотрудники. Кроме того, много, очень много пришлось ей видеть смертей наших товарищей. Она им устраивала похороны, когда к этому были возможности: украшала гробы цветами и так далее. Возилась с ранеными товарищами. Все это отнюдь не весело, но она как-то спокойно занималась этим. А однажды как-то попал маленький щенок в колодец, и вот она прибежала ко мне, плачет и просит, чтобы я помог ей вытащить этого щенка, так как все только смеются, а помочь не хотят. Я выполнил ее просьбу, но мне было удивительно, что над людьми она никогда не плакала, а о щенке — плачет. А все же огрубела она за это время здорово. Матом ругается как-то особенно, как мужик. Причем это получается у нее как-то особенно спокойно, как будто это ничего не значит. Ребята в батареях обычно при ней изощряются в такой похабщине, что прямо уши вянут. Это им доставляет какое-то особое удовольствие, а ей — безразлично. В сентябре Валю

отправили домой, так как она имела 4 месяца беременности.

Сейчас у нас есть две "девушки"-санитарки. Обе уже беременны, и скоро их тоже отправят. Поневоле вспоминается анекдот: "Какая разница существует между бомбой и фронтовой девушкой?" А разница, дескать, та, что бомбу заряжают в тылу, а разряжают на фронте, а фронтовых девушек наоборот.

В виде исключения я пока знаю одну девушку — Веру. Она санинструктор в саперной роте. Ей 20 лет. Уже третий год, как она в армии, и все это время — на фронте. Перенесла много всяких лишений. У меня с ней установились довольно близкие отношения. Она довольно хорошенькая, умница. Мне очень приятно проводить с ней время. Она позволяет мне довольно много, но не все… Добившись откровенности, я получил от нее такое объяснение: она, несмотря на свои 20 лет и приятную наружность, на условия и обычаи фронтовой жизни, — еще невинна. И думает остаться таковой до конца войны, чтобы тот, кто будет ее мужем, не мог бы упрекать ее… Говорит, что жалко ей только меня, поскольку я, вероятно, сильно разгораюсь, когда держу ее в объятьях и ласкаю ее. Но надежды у нее на меня нет: "Если бы ты был не женат, то я могла бы решиться отдаться тебе уже теперь, так как могла бы на что-то надеяться в дальнейшем, а так, хоть и жаль мне тебя, но уж прости меня, если можешь".

Я лично не люблю думать о том, что будет в дальнейшем, так как считаю, что в нашем положении такие размышления нерациональны, ибо может быть, что и нас самих к тому времени, то есть к концу войны, не останется в живых. Такие шансы имеем и я, и она. Сейчас мне хотелось бы иметь ее всю полностью, но я признаю за ней полное право иметь собственную точку зрения на этот счет.

Через горы к морю

Все лето, то есть с апреля до сентября, я провел около гор, за которыми лежит Черное море. Сколько раз я мечтал пересечь их! Они и сами меня интересовали, и море, лежащее за ними, меня очень прельщало. Два раза я все же забирался в эти горы — участвовали в боях под Нибердаевской. Но ведь за каждой достигнутой горой показывается другая, и она всегда кажется еще заманчивее. Так что исчерпывающее удовольствие я полагал получить, только пройдя все эти горы насквозь до моря. Но военный человек никогда не знает, "где его проляжет путь", и поэтому у меня не было уверенности, что желания мои сбудутся, тем более, что нашим боевым машинам действовать в горах очень трудно, они к этому не приспособлены. Но однажды снимаемся с очередной стоянки и трогаемся, — куда и что — точно не знаем, но направление — в горы.

Военная горная дорога. Крутые завороты, подъемы, спуски, обрывы, наспех наведенные мосты. Горы очень красивые, все поросшие лесом. Здесь хорошая охота на кабанов, оленей, коз. Недавно прошли дожди — грязно. Машины идут с большим трудом, надрываются. Провести их по такой дороге нужно уметь. Навстречу нам идут машины с ранеными, бочками из-под горючего, с ящиками из-под снарядов. Эти три категории машин всегда едут навстречу, если ехать к фронту. Вся дорога и окраины ее полны военной дорожной жизнью. Гул моторов, стук топоров, крики людей — все это, повторяемое горным эхом, создает какой-то непрерывный шум.

На крутых заворотах и опасных спусках — регулировщики: они здесь очень нужны, и работы им хватает. На более удобных местах — дорожные пункты для раненых. Здесь им дают 10–20 минут отдохнуть от дорожной тряски, поят водой, водят или носят оправиться. Работают в этих пунктах преимущественно девушки. Работенка у них не особенно приятная, и крутиться им приходится довольно быстро.

У меня в то время не было еще своей машины, и я со своими мастерами ехал на полуторке, груженной разными тяжелыми металлическими запчастями для самоходок. Впереди нас шла одна из наших самоходок. Сверху на броне сидело человек шесть наших людей. Впереди — глубокий овраг, через него земляной мост, очень узкий, только-только пройти нашей самоходке. Но водитель немного не рассчитал. Правая гусеница пришлась по самому краю моста. Сырая от дождей земля не выдержала, обвалилась, и самоходка со всеми людьми полетела в овраг. В воздухе она перевернулась кверху гусеницами. Большинство людей отделались легкими ушибами, но командир орудия угодил прямо под самоходку, но тоже сравнительно счастливо. Он попал под бронемаску пушки, и эта маска придавила ему обе ноги к земле. Но хуже всего было то, что вытащить его оттуда сразу не было возможности, а самоходка, упав на мягкий грунт, погружалась в него все ниже и все сильнее давила на нашего несчастного парня. Парень был молодой; он плакал, кричал, чтобы его скорей вытащили, а потом стал просить, чтобы его застрелили. В таком бедственном положении он пробыл не меньше сорока минут. Мы в это время, конечно, не спали. Сначала мы, с риском для себя, полезли под самоходку и попробовали вытащить его. Но ноги у него были придавлены, и это не удалось, только боль ему причинили. Потом мы остановили несколько проходящих машин и, взяв у них домкраты, стали стараться приподнять самоходку или хотя бы прекратить ее дальнейшее оседание в грунт, а другие стали

подкапывать землю под нашим товарищем. В конце концов человека удалось спасти и отправить в ближайший медсанбат. Конечно, при работе этой было много безалаберщины, лишнего шума и нервозности, иначе можно было бы все это проделать скорее. Ну, а за самоходкой потом пришел наш тягач и еще два трактора и выдрали ее со всей землей из оврага, причем оказалось, что вследствие падения ее на мягкий грунт она почти не пострадала.

В пути до главного перевала мы встретили еще несколько наших самоходок, остановившихся по причине различных неисправностей. Потом они все к нам присоединились.

Медленно, с большим трудом машины идут к главному перевалу. Я решил пройтись пешком и пошел вперед к перевалу. Я не знал, где именно наивысшая точка и что я увижу за ней, да как-то в эту минуту задумался о чем-то. Вдруг подъем кончился — я на самом гребне Кабардинского перевала. Поднимаю голову, и… передо мной громадное водное пространство переливается и искрится под лучами солнца. Черное море! Как я давно мечтал увидеть море, и вот оно — передо мной. Берег высокий, горный, скалистый. На берегу красивое маленькое селение — Кабардинка. Смотрю 5, 10 минут и не могу насмотреться. До чего же красиво!

Наша полуторка тоже вскарабкалась на перевал. Дальше — крутой, извилистый, опасный спуск — до самого моря. Залезаем все в машину, а нас было в кузове человек 7. Водитель у нас был молоденький, неопытный. Машина старенькая, трепаная. Поехали. С правой стороны дороги все время очень крутой откос: дорога вырублена в склоне горы. До конца этого откоса очень и очень далеко. Если сорвешься с дороги, то даже и без машины остановиться не сумеешь.

Уже с самого начала нашего спуска водитель наш чуть было не задушил одну подводу, и у меня возникли солидные опасения за благополучный исход нашего путешествия. Так и получилось. В одном месте водитель хотел переключитьс третьей скорости на вторую, но у него это не сразу вышло. Машина стала набирать скорость. Водитель, видя такое дело, очевидно, слишком резко нажал на тормоза. Тормозные тяги лопнули, ну, и пошла наша полуторка, как ей хотелось, скорость все больше и больше, и вот уже скоро крутой поворот, — там мы полетим в пропасть. Все это проносится в моей голове молниеносно, да и события развиваются во время, измеряемое секундами. Момент, чтобы спрыгнуть, уже упущен. Теперь я хочу хотя бы избежать ударов металлических частей, которые накроют нас при переворачивании машины. Для этого я выбираю ноги на борт и готовлюсь спрыгнуть как можно дальше, чтобы гробиться

отдельно от машины. Но дело обернулось иначе. Не знаю, нарочно или нечаянно, но водитель резко дал руль налево. Машина ударилась в каменную стенку, образованную при вырубании дороги. Она перевернулась, но не совсем, то есть не вверх колесами, а встала на бок. Все, кто был в кузове, вылетели, как пробки, а за ними полетели все запчасти из кузова, угрожая нам увечьем. Однако в откос никто из нас не полетел, а все ударились о каменную дорогу. Я, помню, изо всех сил оттолкнулся ногами от кузова, чтобы не быть придавленным перевернувшейся машиной и ее содержимым. Упал я на дорогу на локти и на коленки, саданулся крепко, но все же, хоть по-собачьи, но сделал два прыжка подальше от машины. Однако на четвереньках мне пришлось оставаться недолго, ибо на меня с разлету уселся один из моих мастеров, но в следующее мгновение он был сбит с меня вылетевшей из кузова тяжелой металлической деталью. За другими участниками нашего полета я не имел возможности и времени наблюдать, но в конечном результате на всех была кровь из разных источников, все хромали и охали. Некоторых помяло здорово, но никого не убило, — и то ладно.

Однако полеты полетами, а дело делом. Собрались мы, кто еще имел силы, поставили свою машину на колеса. Кое-как произвели необходимый ремонт, нагрузили разбросанные детали, сели сами, но не все: некоторые побоялись садиться, чтобы не испытать еще раз вышеописанного. Ехали вниз уже черепашьим шагом, не выключая 2-й скорости, и спустились к морю благополучно.

Интересно получилось с моей гитарой и мандолиной, которые лежали у нас в кузове вместе с металлическими частями. Они были в чехлах, и, поднимая их с дороги, чтобы вновь бросить в машину, я был уверен, что это уж одни щепки. Однако оказалось, что они не получили ни малейших повреждений.

Новороссийск

С перевала мы спустились к морю в маленькое красивое местечко Кабардинка. Из Кабардинки видны "Малая земля" и Новороссийск, вернее, часть его. В Новороссийске день и ночь грохот боя. Наши на окраине — у цементных заводов. Враг в городе. Наша артиллерия и авиация наносят беспрерывные удары по вражеским расположениям. Ночью несколько пожаров одновременно озаряют город. Смотреть ночью на горящий Новороссийск было хоть и печально, конечно, но чертовски красиво. Зарево отражалось в море. Новороссийск взяли одновременным штурмом с суши, с моря и с воздуха.

Наши самоходки принимали активное участие в уличных боях. Они в упор били из пушек по домам, занятым немцами, и

уничтожали препятствия, мешавшие нашей пехоте. Жертвы у нас были не очень значительные. Подбили у нас немцы три машины, убили нескольких товарищей, несколько человек ранило.

К утру следующего за штурмом дня враг был окончательно выбит из города и через Волчьи ворота стал отходить к станице Раевской. На прощанье немцы день и ночь вели артогонь по городу.

В то же утро я отправился осматривать город, вернее, то, что от него осталось. Это, конечно, было не слишком благоразумно, ибо не вызывалось никакой производственной надобностью, а немецкие снаряды рвались то тут, то там бессистемно, и заминирована местность была довольно значительно. На улицах валялись трупы — наши и вражеские, впрочем, не так уж много. В одном месте — подбитая немецкая самоходка, рядом с ней валяется длинный немец, а в рот ему кто-то уже воткнул початок кукурузы. Рядом другая немецкая самоходка — экипаж ее мертв, лежат внутри машины. Вот подбитая пушка, и около нее расчет, мертвые. В общем, всевозможных картинок до черта.

Все это я внимательно осматриваю, знакомлюсь с вражеской техникой. Прихожу в порт, спускаюсь к прозрачной воде умыться. Бухта красивая и тихая. Но город! Что от него осталось! В моей памяти что-то не осталось ни одного целого дома — все изрешечено пулями, пробито снарядами или просто взорвано.

А что делается на восточной окраине у цементных заводов! Там не только здания, но и деревья, и каждый метр земли несут на себе следы артиллерийского урагана. Ведь было еще лето, а на деревьях не было ни единого листика, и многие из них лишились половины своей коры и ветвей. Земля тоже во многих местах была голая и черная. Все содрано и слизано артиллерийским и пулеметным огнем и взрывными волнами авиабомб. Наверное, так выглядят города после сильнейшего землетрясения, сопровождавшегося ураганом.

А городок, мне кажется, был симпатичный. И жилось в нем, наверно, людям спокойно и уютно. Об этом говорят и "немые свидетели". Я имею в виду жилища людей. Во многие из них я захожу, рискуя подорваться на мине. Несмотря на то что в комнате пробита стена или проломан потолок, можно понять, что люди отсюда не переехали, а спешно спасались от кошмара войны. В одной квартирке даже попалась на глаза мне недоваренная пища на остывшей плите и в ней штукатурка с потолка. Иногда надписи на стенах говорят, что некоторые семьи были вынуждены спасаться и что они надеются разыскать друг друга. Например, такая надпись углем на беленой стенке одной полуразрушенной комнатки, какая-то Нюра пишет кому-то из

членов своей семьи: "Я, мама, Лиза и Женя — живы. Нюра".

Во всем городе мы не встретили ни одного жителя. Многих угнали немцы, многие успели разбежаться по окружающим местностям, а многие, наверно, погибли. Правда, уже на другой день нашего пребывания в Новороссийске жители стали появляться. Конечно, старики, женщины и дети. Мне бросилось в глаза, что в Новороссийске жило очень много культурных людей. В комнатках были чистые крашеные полы, чистые стены, иногда с художественными панелями. На стенах много картин. Хотя и простая, но приличная мебель. Даже в очень скромных на вид домиках в комнатах валяется много книг. Среди них любые учебники и художественная литература. Часто попадаются обломки музыкальных инструментов: гитар, скрипок, встречаются пианино и рояли. Много швейных машин и велосипедов, попадаются даже совсем исправные: очевидно, людям было не до них, — все брошено. В общем, печальное это все оставляет впечатление.

Поднимаюсь в гору и залезаю на балкончик одного симпатичного, сравнительно мало разбитого домика. Нахожу отличный венский стул, усаживаюсь и представляю себе, как было прекрасно пить здесь чай летом под вечерок в мирное, конечно, время. Кругом амфитеатром высокие красивые горы. Внизу небольшой симпатичный город. А за ним — синяя гладь моря, замечательно.

В лунные ночи тоже, наверное, прекрасно было любоваться отсюда, когда луна прокладывает серебрящуюся дорогу по морю, а лежащий внизу городок и пароходы в гавани переговариваются разноцветными огоньками. Может быть, к тому же доносилась музыка из какого-нибудь парка. Около дома маленький фруктовый садик и виноградник. Это уцелело. Нахожу пару груш на деревьях и несколько кистей замечательного винограда. Хочется думать, что жизнь здесь была спокойна и приносила людям радость. Когда-то это теперь будет восстановлено?

Да и не для всех уже это восстановится. Все нарушено физически и морально.

Я со своими ребятами расположился в хорошо меблированной комнатке одного домика с пробитой снарядом крышей. Надолго ли? Этого мы никогда не знаем. Поэтому многие люди не хотят палец о палец ударить, чтобы получше обставить свое существование. Дескать, может, сейчас дальше поедем?

Я же всегда придерживаюсь другого принципа: "Хоть час, да мой". Иногда я, и верно, как будто проигрываю на этом, ибо частенько бывает так: только устроишься получше, а тут приказ

ехать дальше, значит, бросай все — и пошел. Но я и это не считаю проигрышем, ибо люблю даже самую эту созидательную процедуру устраивания, да и делов-то всего, если дружно приняться, 3–4 часа.

Ну, а уеду — какой-нибудь другой солдат воспользуется моим трудолюбием и, может быть, помянет добрым словом неизвестного ему предшественника. Итак, я даю соответствующую команду своим ребятам, — и работа кипит. Через пару часов уже все готово: пол чисто выметен, негодная мебель заменена хорошей, на стенах развешаны картины, замаскированы окна, оборудовано освещение, одежда наша повешена в гардероб, оружие развешано на стене. Масса книг уложена на этажерке, стол застлан чистой бумагой. Все в порядке. Только снаряды разрываются иногда довольно близко, да черт с ними, к этому обстоятельству уже давно привыкли, — авось в нашу хату не попадет.

Отдыхаю душой и телом: играю с дружком на гитаре и мандолине, читаю хорошие книжечки, отдыхаю на мягкой постели — в общем, шик! Что еще нужно?..

На следующий день была опять прекрасная погода. Я вновь любовался морем и окружающими горами. Долго наблюдал, как небольшой тральщик очищал бухту от вражеских мин. Ходит он по спокойной синей бухте, а через равные промежутки времени раздаются глухие, сотрясающие даже землю, взрывы, и за кормой тральщика поднимаются ввысь огромные столбы воды, образующиеся от взрывов мин в глубине. Все же в этот день первый наш корабль, зашедший в бухту, налетел на мину и подорвался, но не совсем, а просто осел кормой в воду и накренился набок, и так и остался на воде. В море тоже стали появляться наши суда, большие и маленькие. В отдалении от берега в сторону неприятеля прошло несколько наших военных кораблей.

У станицы Раевской

В Новороссийске я пробыл дня три, занимаясь необходимыми работами на наших подбитых машинах, а затем, оставив своих ребят и взяв с собой самый необходимый инструмент, я с попутной нашей машиной выехал искать свои самоходки. К ночи разыскал свой штаб, где я узнал примерное местонахождение наших боевых машин, и затем с машиной, везшей продукты нашим боевым расчетам, выехал на розыски. Найти наши машины зачастую бывало нелегко, так и в этот раз, проездив часа три, так и не обнаружили их. Тогда я с одним товарищем отправился на розыски пешком. Ходили мы с ним довольно долго, в темноте, рискуя напороться на мины, и в конце концов

попали в нейтральную зону, а в ней — под перекрестный огонь своих и вражеских пулеметов. Нам хорошо это было видно, так как пули трассирующие. Машины все же нашли уже часа в три утра. Недалеко была окраина станицы Раевской, где горело несколько хат, а в общем, было довольно тихо, стрельба почти совсем прекратилась. Под утро стало известно, что неприятель бросил станицу и отступает. Наши машины получили приказ о преследовании. Я вскочил в одну из них, и мы помчались к станице. Тут и другие рода войск, главным образом артиллерия и минометы, стали сниматься со своих огневых позиций, выбираться на дорогу, и вскоре сплошной поток из автомашин, пушек, минометов, конных упряжек и прочего устремился вдогонку.

В станицу въехали рано утром. Немцы ушли всего несколько часов назад. Население выбегает к нам навстречу. Это старики, женщины, девушки, дети. Они приветствуют нас с неподдельной радостью. Если кто из военных остановится, он сейчас же попадает в окружение гражданских. Они шутят с ним, забрасывают его вопросами, смеются, стараются сами, перебивая друг друга, рассказать ему что-то. Некоторые плачут от возбуждения и радости. Одна девочка подбежала ко мне и, прикоснувшись рукой к моей пилотке, радостно закричала: "Звездочка, звездочка!" Мы на пять минут останавливаемся в станице, чтобы заправить водой себя и машины. Женщины спешно несут на коромыслах полные ведра колодезной воды — это для нас. Кто имел время, мог зайти в хату в гости. Там для него вытащат из укромного местечка вино и будут угощать, но нам некогда. На этой остановке мне сообщили, что на одной из машин неисправна пушка. Я срочно принялся за работу, но не успел закончить, как пришел приказ ехать дальше. Мне пришлось продолжать работу на марше.

Нашу самоходку попытался обогнать «студебеккер» с пушкой на прицепе, но мы не любим, чтобы нас обгоняли, и получилось так, что пушка попала под нашу гусеницу и разлетелась к чертовой матери. Ну, погрозили друг другу кулаками — на том и расстались. В такие моменты некогда разбираться, кто прав, кто виноват: если и людей подавят, то даже не остановятся.

Невдалеке за станицей, километрах в пяти от нее, наступающий поток вновь разъехался вправо и влево от дороги и начал занимать боевые позиции, так как вдали показался неприятель. Наши самоходки вместе с пехотой и небольшим количеством легких полевых пушек прошли вперед и заняли плоскую возвышенность, господствующую над местностью. Впереди была низменность, лощина, а за ней вновь

возвышенность, на гребень которой немцы затащили свои пушки и пулеметы и открыли по нам огонь, чтобы прикрыть отступление своих войск, еще не выбравшихся из лощины. Только что я закончил свою работу, как нам приказали открыть огонь. Нам очень хорошо было видно, как по противоположному склону, поднимавшемуся над лощиной, отступала вражеская пехота, шли их машины. Мы открыли огонь прямой наводкой, и было хорошо видно, что снаряды рвутся прямо среди вражеской пехоты.

Та пушка, которую я только что починил, выпустила подряд около 60 снарядов, то есть весь свой боекомплект, но тут подлетела наша полуторка со снарядами, и мы начали подавать снаряды прямо с машины в ствол пушки, успевая только слегка обтереть снаряд и свинтить колпачок со взрывателя. Таким образом, мы, не сходя с места, выпустили около 130 снарядов. Это, пожалуй, небывалый случай в практике самоходной артиллерии. Нам положено, сделав десяток выстрелов, немедленно менять позицию, чтобы не быть накрытым огнем вражеской артиллерии.

Я принимал самое активное участие в работе у этой пушки. Подавал снаряды, свинчивал колпачки, а затем выскочил вперед с биноклем и стал корректировать огонь по разрывам, передавал команды: "Прицел больше 2; правее — 0-20" и так далее — пока не охрип. Вся краска у ствола нашей пушки сгорела, от нее поднимался дым, до того она перегрелась, и я вынужден был запретить дальнейшую стрельбу, чтобы не разорвало ствол или еще что-либо. Среди разрывов вражеских снарядов и свиста пуль мы тронулись вниз по склону и замаскировались в лощине.

В этом же бою я отремонтировал еще одну пушку, устранил в ней полученную неисправность. Мне было очень приятно сознавать, что, не случись я в этом бою вместе с пушками, то две из них не смогли бы полностью сыграть свою роль в разгроме немцев за станицей Раевской, ибо, хотя полученные неисправности были самые обыкновенные, но народ у нас, хотя и боевой, но в отношении техники малограмотный. Я хотя и учил их не раз, как и что нужно сделать, однако, как какая мелочь случится, они становятся в тупик. (Не все, конечно, такие.) Поэтому приходится в боях быть всегда с ними вместе или в непосредственной близости.

Я хотел идти посмотреть результаты нашей работенки, но потом соблазнился близлежащим виноградником и, взяв с собой плащ-палатку, подался туда со своим старшиной. Это лакомство могло мне стоить дорого, так как местность обстреливалась и была заминирована. В этих местах потом подорвались на мине наш командир батареи л-т Степичев и командир орудия л-т

Букетов, оба насмерть.

Итак, мы залезли в виноградник. Что это было за чудо! Он совершенно был не тронут. Винограда было удивительное изобилие, и он был уже спелый. Выбирая самый лучший, мы со старшиной сожрали его огромное количество, а затем, когда уже больше внутрь нельзя было натолкать ничего, мы расстелили плащ-палатку, и всего с нескольких кустов нарвали целую гору, и, взвалив все это на спины, вернулись к нашим товарищам с угощением. Между прочим, я много раз замечал, что, сколько ни съешь винограду, никогда от него не заболит брюхо.

К вечеру я вернулся в Раевскую, где были машины, требовавшие моего осмотра, и, кончив дело, напился, как сапожник, великолепного виноградного самогона. Он очень чистый, вкусный и крепкий. И опьянение от него какое-то особенное, приятное. Тем более, что я всю предыдущую ночь и весь день провел на ногах, в энергичной деятельности.

Анапа

В самой Анапе боя почти не было. Она, правда, изрядно пострадала, частично из-за того, что немцы в ней кое-что повзрывали, частично от бомбежки, так как наши самолеты изрядно бомбили в ней немцев. В Анапе я пробыл, кажется, всего один день, а затем выехал дальше, в станицу Благовещенскую, где продолжалось преследование врага, отходившего к Таманскому полуострову.

Бугазская коса

Это узкая песчаная наносная гряда. Длиной она километров 8. Ширина ее где 50 метров, где 70 — не больше. Справа — Бугазский лиман, слева — море. Коса эта западным своим концом упирается в довольно высокий холм, идущий поперек ее. На гребне этого холма — маленькая деревушка — Веселовка. Немецкая оборона располагалась по этому холму, что давало им огромное естественное преимущество.

Свое первое знакомство с этой проклятой косой я осуществил, проехав ее почти во всю длину на «виллисе», объезжал, то есть проверял, наши боевые машины, нет ли какой-либо неисправности. Разыскивая крайнюю, то есть самую дальнюю машину, мы проскочили на самом виду у немцев почти до самой Веселовки. В этот день было довольно тихо, если не считать незначительной артиллерийской перестрелки. На обратном пути нас немного обстрелял из пулемета «мессершмитт», но промазал, хлестнул по дороге перед нашей машиной. Затем вдруг заглох мотор нашего «виллиса», и, пока шофер устранял неисправность, пришлось какое-то время торчать на виду у немцев. По дороге попадались убитые, наши и

противника… Но, в общем, в тот день на меня эта коса произвела довольно мирное впечатление.

Закончив дела, я расположился на пляже купаться и загорать. Было тепло, солнечно. Дул с моря теплый ветер и гнал к берегу большие спокойные волны. Плыть навстречу этим волнам было замечательно легко и интересно. Все никак не хотелось поворачивать обратно к берегу. Когда плывешь навстречу волнам и ветру, то кажется, что движешься очень быстро, и это радует, зато повернешь обратно, и впечатление получается совершенно противоположное, кажется, что ты, несмотря на все твои усилия, не только не продвигаешься к берегу, а наоборот, быстро относишься обратно в море. Впечатление на первый раз получается весьма тревожное, особенно, если заплыл далеко от берега.

Метрах в двухстах или трехстах от берега из воды торчали трубы и верхние части какого-то парохода. Я все собирался туда сплавать, да так и не собрался. Песочек был исключительно чистый и горячий, валяться на нем большое наслаждение. Ночью, как чаще всего бывает, наступает почти полная тишина в отношении войны. И на море тогда так хорошо и спокойно, что и вовсе забываешь про войну. Однажды взял я гитару, сел у самого моря. Было часов 11 вечера. Море тихо плескалось передо мной, а полная луна прокладывала по нему широкую серебряную дорогу, уходящую в бесконечную даль. Звук гитары у воды более мелодичный, чем обычно, или это так кажется из-за очень уж поэтического окружения, создаваемого природой.

Днем я у самого берега моря ремонтировал свои пушки, а под вечер начали наши артподготовку; танки и самоходки вышли на исходные позиции, и с этого времени бой на косе не прекращался в течение целой недели. Эх, и была же там «поэзия» — забыть будет трудно! Я как раз в эту ночь поехал опять на «виллисе» вдоль косы по направлению к немецким позициям. Мне нужно было разыскать одну нашу боевую машину, на которую меня вызвали по радио. Едем в полной темноте, иногда нарушаемой осветительными ракетами, которые пускают немцы. После этих ракет тьма кажется еще непрогляднее, за 4 метра от машины ничего не видно. Вывернется встречная машина — имеешь полную возможность расшибиться, или залетишь в воронку — тоже хорошего мало, или с дороги съедешь — можно на мину нарваться, в общем — "кругом шестнадцать", а тут еще снаряды немецкие, хоть и не часто, но все же рвутся то справа, то слева, то кажется, что прямо на дороге впереди машины. Однако нужно ехать, значит, едешь, и, пока жив, — ничто не может остановить. А кругом гремит и грохочет — это наши производят

артподготовку.

Красивое это представление, когда происходит это в темную ночь. По темному небу несутся целыми сериями огненные поленья — это работают наши «катюши».

Одинокие цветные трассы и высоко, и низко прочерчивают тьму — это следы от трассирующих артиллерийских снарядов, проносящихся в сторону врага. Иногда светящиеся трассы немецких и наших снарядов пересекаются в воздухе. На переднем крае бьют пулеметы — немецкие и наши, и тоже, как от снарядов, перекрещиваются огненные полосы. А тут еще прилетит какой-нибудь одиночный самолет, и тогда в него посылаются тысячи трассирующих пуль, следы которых образуют высоко в небе огромные разноцветные букеты. В добавление ко всему на переднем крае то и дело вспыхивают разноцветные осветительные ракеты и, описав высокую крутую дугу, падают на землю и догорают. Все это вместе взятое дает чертовски красивое зрелище, особенно если смотреть на все это из безопасного места.

Но в ту ночь у меня не было особых возможностей любоваться, ибо было много неотложных дел и много опасности. Так продолжалось до рассвета, а как только начало рассветать, наши части пошли в наступление на деревню Веселовку и на высоту, что правее этой деревни, — в общем, по всему фронту на этом участке. Немцы открыли сильный артогонь по наступающим и по всей косе. Авиация противника многократно наносила бомбовые удары, в особенности по нашим танкам, да и по всей косе, ибо она вся была сплошным скоплением людей и всевозможной техники, а также обозов и временных складов горючего и боеприпасов.

Незавидность нашего положения усугублялась еще и тем, что на косе этой, кроме сыпучего песка, ничего не было, а в нем даже щель вырыть нельзя, потому что он осыпется и замаскироваться негде. В крайнем случае, приткнешься где-либо за холмик или в воронке, ну и чувствуешь себя вроде страуса, прячущего голову в песок. Вследствие такого положения потери наши на этой косе были довольно значительны: то ранило, то убивало людей, лошадей, то калечило танки, автомашины, пушки и прочее.

Не считая беспрерывных разрывов снарядов, на мою лично долю в один день выпало еще два страха, один за другим. Танк нашего полкового командира находился у самой воды на совершенно открытом пляже. Замаскировать его было нечем, так что немцам видно было его и с земли, и с воздуха. Немецкие снаряды разрывались кругом, и, кроме того, немцы били по танку болванками, но не попадали, и они с дьявольским шумом и визгом проносились рядом. Я был у танка с командиром разведки

и с одним нашим автоматчиком. Подполковник сидел в танке у переднего люка и вел по радио переговоры с экипажами наших боевых машин, находящихся несколько впереди нас. День был солнечный и теплый, синее море, синее небо и желто-белый песок. Вдруг смотрим: в вышине со стороны моря блестят на солнце бело-серой краской немецкие пикирующие бомбардировщики — целая стайка…

Тетрадь № 4

Коломея, 11/VII 1944 г.

Продолжаем блаженствовать в этом симпатичном городке. Зажились мы в нем. Наступили жаркие дни. Поспели некоторые сорта ягод. Яблоки тоже начинают быть съедобными. Купаемся в речке, название ее Прут. Вода замечательно приятная. Третьего дня ездил за город: учил стрелять из пушки своих учеников, помпотехов. Стреляли очень удачно. Приезжал командующий и очень был доволен. Затем учил их бросать РПГ-40. Получилось маленькое ЧП. При разрыве одной из гранат мне что-то ударило всего на сантиметр от левого глаза. Кровь потекла энергично, но глаз не повредило. Впрочем, левый глаз это ерунда, правый было бы жалко. (…)

21/VII 1944 г.

Кажется, кончился наш долгосрочный отдых. Завтра выезжаем на выполнение боевого задания. Идем на Станислав. Из дивизии нас, кажется, все же отнимают. Если из дивизии мы уйдем, то дадут нам жизни — это уж точно. Да и пора нам браться за дело — ведь десятый месяц пошел с тех пор, как были мы последний раз в бою. Только что кончилось совещание командиров техчасти. Люди мы все уже бывалые, деловые, каждый в своем деле специалист. Так что совещаться долго не пришлось, все понятно. Впрочем, до утра еще может быть десять перемен.

Последние дни в Коломее мы пожили очень весело. Какая-то полоса пошла винная, каждый день то из одних источников, то из других. Вино и вино, даже надоело, пожалуй, для здоровья вредно. Часто ходил в кино, один раз в театр, — в общем, проводил время сравнительно культурно. Баб здесь до чертовой матери, и надо отдать справедливость полячкам в отношении красоты. Я здесь с ними не связывался ни с одной. Ребята мои прямо очертенели. Я им не препятствую. Где они — я знаю. Если мне срочно понадобится — вызову. Сами же они являются только под утро и, судя по их рассказам, ходят не безрезультатно. (…)

23/VII 1944 г.

Вчера ночью выехали из Коломеи. Было очень темно. Дорога плохая. В довершение ко всему разразился ливень, и в результате всех этих бед многие наши машины, особенно транспортные, оказались в неподвижном состоянии, то на боку в придорожной канаве, то поперек дороги. Тем не менее к утру сегодняшнего дня все боевые машины были на назначенных им позициях. Предстоял бой. Артподготовка должна была начаться в 5 часов утра, но была

отложена на неопределенное время. Позавтракав, я отправился к намечаемому месту действия наших машин. Взял с собой одного своего мастера и необходимый инструмент. Начало у нас получилось очень плачевное: несколько машин, не дойдя еще до огневых позиций, взорвались на минах, причем часть на своих же. Экипажи тоже вышли из строя, убитыми и ранеными. Некоторых разнесло на куски. Я целый день лазил среди пехоты под артиллерийским огнем; снаряды рвались в нескольких метрах от меня, но не зацепило. Была страшенная жара. Домой вернулся весь мокрый от пота, страшно усталый. Умылся, поел и лег отдыхать с колоссальнейшим удовольствием.

Больше всего от этого дня в памяти осталась замечательнейшая артподготовка, произведенная нашей артиллерией. Часов в 9 утра, среди полной тишины, вдруг длинной очередью «сыграла» «катюша», и в тот же миг разом грянули наши орудия, наставленные на огромной площади. Их заговорило сразу несколько сотен. В воздухе запахло дымом и гарью, а вся местность покрылась сизым дымком. До чего же возбуждающе действует этот мощный концерт. Как смело и радостно себя чувствуешь. Так и хочется кричать "ура!" и бежать в атаку.

2 августа 1944 года

(…)Бои мы вели в условиях горной и лесной местности. Это было очень похоже на горную охоту на кабана — тоже облава, засада, прямое преследование и так далее. Только роль кабанов выполняли в данном случае мадьяры. За неделю побили их до черта. На некоторых участках лесных дорог они валяются один к одному на значительном протяжении. В плен их набрали несколько тысяч.

Пришлось мне участвовать и в непосредственной драке с мадьярами. Было это так: однажды находился я на КП, было там несколько больших начальников, связисты, незначительная охрана и несколько случайных людей, вроде меня. КП находился на возвышенности, а впереди — маленькое селение, кукурузные и прочие поля, а дальше кругом — лес и горы. Пехота наша была далеко в стороне, и вообще, где кто находится, иногда даже сказать бывало трудновато.(…)

Очень обидный случай получился с командиром 1-й батареи лейтенантом Лбовым. Я с ним очень дружил. Он в нашем полку со дня формирования. На фронте он с первых дней Отечественной войны и воевал очень неплохо. Интересный и остроумный был мужик. Я бывал с ним в нескольких боевых переделках. Никогда у него не было ни тени страха. Всегда юмор, шутки. И вот была у него в кармане штанов граната с ввинченным

запалом. Это, конечно, глупо. Не знаю уж, каким образом, но выдернулась у запала чека, и вот слышит он, что щелкнул механизм запала, точнее, произошел выстрел капсюля воспламенителя. И вот он знает, что через 2–3 секунды произойдет взрыв. Представляю себе всю неприятность этого короткого времени. Он хотел выхватить гранату из кармана, но в таких случаях всегда что-нибудь за что-нибудь зацепится. Лбов и в этом случае оказался молодцом. Несмотря на грозившую ему гибель, он крикнул окружавшим его людям: "Разбегайся!" В следующий момент граната разорвалась у него в кармане. Оторвало ему пальцы на руке, которой он пытался выхватить гранату. Жутко разворотило ему бедро. Мясо получилось кусками, да сразу какое-то черное. Увезли его в госпиталь, но я лично сомневаюсь, чтобы вышло что-либо хорошее. Наверно, помрет.

13 августа 1944 года

Сегодня я со своими ребятами ездил в горы по ущелью вдоль речки. Хотели поглушить рыбу. Замечательно красивы эти предгорья Карпат: высокие обрывы, замечательный лес, внизу желтые квадратики посевов, еще ниже извивается речка — замечательно.

Рыбы мы не наглушили, но прокатились хорошо. На обратном пути неслись по хорошему шоссе под уклон километров 70 в час. Шофер у меня — лихач, да и сам я люблю быструю езду. А приехали домой, смотрим, а шкворень у переднего правого колеса совсем вылез кверху из-за неисправности запорного болта. Еще бы чуть-чуть, десяток крепких толчков, и колесо отлетело бы к чертовой матери. Не собрали бы мы тогда своих косточек, — все, кто был в машине. Черт его знает, как в жизни получается: на каждом шагу и с самых неожиданных направлений смерть заносит над тобой свою костлявую руку. Когда же эта рука, наконец, поразит меня, и при каких обстоятельствах?

18 августа 1944 года

День авиации. И верно, сегодня наша авиация с утра весь день проявляет активность. Эшелон за эшелоном уходят штурмовики в сторону фронта. До передовой еще 50 км. Мы здесь остановились на короткий отдых, сделав около 150 км от предыдущей остановки. Львов проехали стороной, он у нас остался справа. Проехали городки Ланцуг, Жешув, перед нами — Перемышль. Городки эти все похожи один на другой. Места уже не такие красивые, как Карпаты. Горы кончились, их нет уже даже на горизонте.

24/ХП — 1944 г.

Опять вступили в бои. Направление — на Краков. Против нас

на этот раз большие силы немцев: 18-я дивизия «СС» — «Германия». У них порядочно тяжелых и средних танков. По показаниям пленных и по сведениям нашей разведки, на каждый батальон — 6 танков. С нашей стороны танков мало, но зато хорошо действует наша штурмовая авиация. С немецкой стороны авиации пока что совсем нет. Большое затруднение с доставкой снарядов: их приходится возить сюда за 500 км на автомашинах. Сейчас в нашей дивизии стоит целый артполк в бездействии из-за отсутствия боеприпасов.

Вчера и сегодня опять попадал под артналет противника. Признаться, меня уже не веселит эта музыка, она мне надоела. Нервы в такие моменты напрягаются, и лучше, чтобы этого не было.

Ночью вызывали на передовую ремонтировать пушки. Проехали много километров на полуторке в полной темноте, без дороги, среди воронок, окопов, пней и прочего, — удовольствие много ниже среднего. Общая скорость передвижения 2–3 км в час.

Говорят, будто бы по радио передали о взятии союзниками Парижа. Если это так, — хорошо. Впрочем, пленные немцы говорят, что германское командование предпочитает отдать всю Германию союзникам, чем русским сдать какие-либо территории, гораздо менее для немцев ценные. И будто бы немцы даже перебрасывают часть своих сил из Франции на восточный фронт, то есть против русских, очевидно, считая, что опасность с Востока для них страшнее, чем опасность «западная». Возможно, во всем этом и есть доля истины. Как бы там ни было, до чего же надоело все это! И когда же этому конец?

Черт его знает, почему так получается: когда долго стоишь где-либо на отдыхе, так хочется скорее в бои, и это искренне. А как затешешься в эту чертову перепалку, то, очевидно, нервишек надолго не хватает, и думаешь скорей бы на передышку.

Здесь полны дворы гусей, уток, кур и прочего, в сарайчиках свиньи и коровы, а хозяев нету, они, наверно, убежали в лес или в те села, для которых война уже кончена. Мы, конечно, не особенно стесняемся, раз такое дело, — варим и жарим все, что нам понравится.

8-е сентября 1944 г.

Начало осени! Как я люблю это время года! Не только начало осени, а всю осень вообще, до самых морозов и снегов. С этим временем года связаны все лучшие воспоминания моей жизни, а именно: охота — самое мое любимое занятие. Вот уже четвертый год, как я не имею возможности по-настоящему поохотиться. Стосковался по этому занятию чертовски. Вчера лазил здесь по лесу и полям с маленькой собачкой Тузиком, но без ружья.

Выгнали зайца и стаю куропаток. А в общем, здесь места довольно печальные. Сплошь песок. Правда, очень много соснового леса, и хорошего, а больше ничего нет. Озер нет, гор нет, рек нет, болот нет. Селения расположены довольно густо. Живут здешние поляки очень скучно, хотя и не голодно. Посевы у них неважнецкие, плохая почва. Очень много домашней птицы. Имеют по одной лошадке. Коров у некоторых 2 и 3, но толку с этого особого нет. Они, очевидно, плохой породы, и, кроме того, нет хороших настоящих сенокосов. Кормят скот резаной соломой и что-то в нее подмешивают. В отношении молочных продуктов дело обстоит паршиво. Корова у них дает 3–5 литров молока, в то время как в других местах, где мне приходилось бывать, хотя бы в Буковине, есть коровы, дающие 50 литров молока в день, то есть в 10 раз больше. Водки здесь тоже ни черта не найдешь, а если попадается, то слабая. Баб хороших что-то не видно, в общем, весьма скучная сторонка. Скорее бы куда-либо в другие края!

17 сентября 1944 г.

Ночью немцы устроили для нас радиопередачу. Транслировали русские народные песни. Причем, зная, что мы — дивизия казачья, немцы передавали в основном такие песни, как "Реве тай стогне Днипр широкий". Затем они по своему глупому обыкновению занялись агитацией. Заверяют нас, что надежды на скорый конец войны совершенно неосновательны, что, наоборот, война будет весьма затяжная. Предлагают переходить на их сторону, обещают всякие льготы. Все это, конечно, устарело и годилось разве что в 41–42 годах. Наши самоходки ответили на это 30 снарядами. Передачу они все же довели до конца и закончили ее в 4.30 утра, предварительно передав нам привет и пожелав спокойной ночи.

Сегодня облазил все наши пушки на передовой и проверил, что было нужно. Ребята, совершенно искренне, не узнают меня без бороды и, даже когда я подхожу совсем вплотную, спрашивают меня, кто я такой и что мне нужно, а затем уж хватаются за голову или за живот в припадке сногсшибательного удивления, и кричат, и смеются.

Все они ругают меня за то, что сбрил бороду. Их много, а я один, и везде одна и та же история, так что мне это уже надоело. Все обязательно требуют объяснения моего поступка, и, чтобы удовлетворить их любопытство, я одним рассказываю, что, дескать, в бороде завелись паразиты (что в нашей жизни очень возможно), но поскольку это довольно гнусно, то этому быстро и охотно верят. Другим я рассказываю, что, дескать, с бородой мне бабы не дают, то есть дают, да не сразу, проходит пятидневка, пока докажешь, что ты молодой, а это, как известно, в военной

жизни недопустимо: нам необходимо в один вечер успеть познакомиться с намеченной особой, и жениться на ней, и развестись, а в наших условиях не всегда успеешь в этом деле. Между прочим, последнее объяснение, хотя и не является основной причиной моего поступка, но, пожалуй, таит в себе некоторую к тому предпосылку.

Ходят слухи, что нас собираются перебрасывать в Румынию, но мне кажется, что они не имеют под собой достаточных оснований. Увидим.

19 сентября 1944 г.

"Цивильный" нагнал водки, очень неплохой, и нам поставил литр в виде угощения. Сейчас уже двадцать минут третьего, а мои ребята все еще режутся в «очко» с двумя «цивильными». Играют на злотые и на камешки для зажигалок, причем один камешек «куштует» 20 злотых. Колода у них неполная, нет в ней шестерок и семерок. Банк у них доходит до 200–300 злотых. Это довольно много, по здешним меркам. Я как-то воздерживаюсь от игры. А ведь когда-то я имел прямо болезненное тяготение к этому занятию. Значит, я все-таки способен на хорошие изменения в своем характере.

24/1X 1944 года

Да, про людей-то легко писать, а вот про себя, пожалуй, будет потруднее. Дело в том, что сегодня ночью произошел чертовски отвратительный случай. В пятом часу утра моя машина, по невыясненным до сих пор причинам, вдруг загорелась. Меня разбудил часовой, вскочивший в хату и крикнувший: "Товарищ техник! Машина горит!" Я выскочил к машине и вижу: огонь взвился в области бензобака и под влиянием ветра, дувшего от кабины к кузову, моментально охватил всю машину. Мы бросились было вытаскивать имущество из машины, кое-что выхватили, но продолжать это — значило пообжигать людей, так как вся внутренность будки наполнилась пламенем, хлеставшим через переднее открытое окно. Достали у соседей-саперов лопаты и стали засыпать машину песком, но и это я вынужден был на время отставить, так как начали рваться имевшиеся в машине патроны, а я знал, что там есть еще и гранаты, поэтому приказал людям укрыться. Через минуту гранаты действительно взорвались. Тогда мы вновь принялись тушить, хотя патроны продолжали еще рваться. Кое-что удалось отвоевать у огня, но большая часть сгорела. У машины сгорел кузов, задняя резина, электрооборудование и обгорела кабина. Ходовая часть, мотор и коробка остались целы. В машине сгорели почти все наши личные вещи и часть инструмента и оборудования. Отчего она загорелась — можно только гадать. Признаков умышленного поджога не

обнаружено. Что попал осколок или пуля (немец ночью стрелял) — тоже следов нет. Некоторые, даже солидные, технические люди говорят, что известны случаи самовоспламенения проводки из-за какой-либо неисправности ее. А машина чертовски старая, везде у нее подпаяно да подмотано, бензинчик, наверно, свои пары дает, да плюс к тому — все это промаслено, особой чистотой похвалиться нельзя. При такой ситуации достаточно малейшей искры, и вспыхнет огонь.

У нас же в полку третьего дня был случай, когда ночью у машины вдруг вспыхнули фары, а в машине никого не было. Раз такое дело бывает, так и искра может получиться. Есть и еще у меня предположительный вариант… но все это только предположения.

По окончании происшествия я отправился на НП докладывать начальству. Предполагал, что дело может повернуться для меня очень плохо. Ведь все зависит от начальства, а виновность почти всегда можно приписать. Готовлюсь всегда к самому плохому. А самое плохое по этому случаю может быть разжалование и направление в штрафной батальон. Чувствовал я себя, между прочим, совершенно спокойно, — никак не боюсь я штрафбата. Неприятен мне этот факт с машиной чрезвычайно, но не вследствие могущего быть наказания, а сам по себе.

К моему удивлению, никто из начальников, то есть командир полка и два его главных заместителя, не сказали мне ни одного грубого слова, а, наоборот, даже немного ободрили меня. Спасибо им. Приписываю такое дело их искреннему уважению ко мне и моим общим заслугам перед нашим полком.

Я сказал командиру полка, что вместе с этой машиной сгорел и мой авторитет перед ним, а я дорожу только его мнением. Он заверил меня, что ничего, дескать, подобного, и обещал содействие в восстановлении машины. Я со своей стороны обещал ему достать и сделать все, что нужно, силами своего коллектива и больше всего моими собственными.

Характерная прифронтовая ночь. Луны нет. Абсолютно темно. Только передняя линия фронта ясно обозначается беспрестанной трескотней автоматно-ружейного огня, и вспыхивают разноцветными дугами осветительные и сигнальные ракеты. Опять разговаривает немецкое радио на русском языке, а со стороны нашего тыла ветер доносит музыку и отрывки слов какой-то нашей кинопередвижки. У немцев что-то горит: большое зарево.

2 октября 1944 года

Деятельно занимаемся восстановлением своей погоревшей машины. Послезавтра думаю закончить.

Живу со своими ребятами в продувном сарае. Ночью спать довольно холодно. На фронтах хотя и есть продвижения, но, в общем, сравнительное затишье. Союзники, то есть мы, Англия и США, уже разделили послевоенную Германию на три зоны влияния, причем Берлин отходит в нашу зону, хотя с тройственной комендатурой. Слухи о нашем большом переезде, кажется, не оправдаются. Вероятно, скоро будем действовать где-либо на этом фронте, хотя особых приготовлений к наступлению я не вижу.

От жены давно не было писем, сегодня наконец-то получил от нее письмо, в общем, неплохое, но довольно «прохладное». Ответил ей в таком же стиле.

4 октября 1944 года

От жены сразу несколько писем и неплохая фотокарточка. Письма приятного тона, ответил ей так же. Можно, пожалуй, констатировать некоторое улучшение в наших отношениях.

Сейчас читал выступление Черчилля. Говорит, что для окончательной победы над Германией, возможно, придется прихватить еще и несколько месяцев 1945 года. Это я и без него вижу, и это мало веселит.

Погода пасмурная. День и ночь моросит мелкий дождь. Прошли золотые денечки, а в нашем положении это особенно чувствительно. 22 октября наши войска вступили в Восточную Пруссию на глубину в 30 км и шириной в 140 км, причем заняли более 400 населенных пунктов.

На этих днях два раза ездил в тыл километров за 100, без особой надобности, а просто так, прокатиться по хорошему асфальтированному шоссе, попить водки с деликатной закуской, кое-что купить по мелочи. Время провел очень приятно.

Живем сейчас в ожидании предстоящих боев, но праздник, пожалуй, проведем в обороне, хотя кое-какие приготовления к наступлению заметны.

1 ноября 1944 года

В конце октября советские войска вошли в Восточную Пруссию. В Норвегии, Прибалтике, Чехословакии и Венгрии тоже продвигаются. Союзники что-то не особенно усердствуют. Наш фронт стоит в обороне уже давно, и еще, кажется, простоим долго. Нахожусь в паршивой польской деревне. Живу в своей автомашине. Не могу сказать, чтобы это было очень удобно.

Хожу на свидания к Вере. Правда, ходить довольно далеко, но погода пока что хорошая, и путь мой пролегает через лес и поле, так что прогуляться даже само по себе очень приятно. Мне с Верой очень приятно проводить время, нет в ней ничего такого, что было бы неприятно, хотя я весьма разборчив. У нее очень

красивые, нежные руки. Губы у нее немножко детские. Их как-то чертовски вкусно целовать, и они тоже целуют, тепло и нежно. Глаза ее тоже мягкие, теплые и какие-то пушистые. Их тоже я очень люблю целовать или просто прижиматься к ним губами.

3 ноября 1944 года

Вчера был у меня очередной глупый случай, а у меня как-то вошло в привычку их фиксировать, возможно, потому, что умного писать нечего. Дело получилось так. Пошел я со своим старшиной бить зайцев из винтовок, их тут много. Ходили недолго, выгнали двух зайцев, но не убили и полями возвращались домой. Старшина шел в стороне, метрах в 100 от меня. Вдруг вижу: лежит в траве немецкая противотанковая мина. На вид — гнилая. Капсюль как будто удален, и вдобавок мина пробита насквозь винтовочной пулей. Как потом выяснилось, этот старшина видел ее на предыдущей своей охоте, он же ее и прострелил.

Мне как раз нужно было проверить бой своего карабина, и я решил в качестве мишени использовать эту чертову мину. Я установил ее на меже, приладив вертикально к куче какой-то соломы. В это время старшина попросил у меня разрешения выстрелить по этой мине 2–3 раза. Я ему разрешил, а сам встал около мины, в стороне, шагах в десяти, и стал наблюдать за результатами его стрельбы. Два первых его выстрела были промахи. Третий попал в цель, и в мине появилось еще одно сквозное отверстие. Затем мы с ним поменялись местами, но он, слава богу, не встал там, где стоял я, а отошел чуть подальше и лег в канавку, оттуда наблюдая за моей стрельбой.

В моем карабине было пять патронов, и все их я решил выпустить по этой удобной мишени. После, каждого моего выстрела старшина кричал мне, что цель поражена. Так продолжалось первые четыре выстрела. Я прицеливаюсь в пятый раз, произвожу выстрел — и вдруг! Раздается оглушительный взрыв, на месте мины поднимается черный столб дыма и земли, высоко в воздух летит солома… Я моментально бросаю взгляд на старшину и вижу, что он как-то странно медленно опустил голову к земле и лег весь — именно так склоняется человек, когда его убивают или тяжело ранят. Ну, думаю, готов мой старшина, и, как лежал я на животе, когда стрелял, так и остался лежать, опустил голову на руки и проклинаю судьбу, что так получилось. Через несколько секунд, подняв голову, я, к своей великой радости, вижу, что мой старшина поднимается целый и невредимый, только побледнел очень и оглох — минут десять ничего не слышал. В общем, как-то обошлось благополучно.

Если бы мина взорвалась тогда, когда стрелял старшина, а я во весь рост стоял около нее, то это событие так и осталось бы

неописанным, ибо старшина дневников не ведет, а я был бы вознесен по частям довольно высоко в небеса и, следовательно, лишен был бы в дальнейшем удовольствия писать дневник.

Ну, посмеялись мы со старшиной и пошли домой. Он по дороге сказал: "Ничего, товарищ техник. Это нам будет наука на дальнейшее". А я подумал: "Хорошо, если б так, но, увы, следующую мину или какую-нибудь другую чертовину, которая нам попадется (а их до черта), мы снова будем вертеть и трясти ее, пока не добьемся от нее всего того, на что она способна. Уж такая у нас привычка".

6 октября 1944 года (описка — ноября)

Завтра — праздник. Сейчас начало первого ночи. Ровно в 12 с нашей стороны загрохотали орудия — поздравляют немцев. Под вечер ходил на охоту со своим старшиной. Убили двух зайцев. В деревне достали водки. Вечером выпили, справили канун праздника. По радио слушали доклад товарища Сталина.

9 ноября 1944 года

Прошел праздничек — четвертый за эту войну. Ну, как? Пожалуй, теперь уже можно сказать уверенно, что следующий праздник люди будут встречать в мирных условиях. Впрочем, аналогичные убеждения можно было слышать и в каждый предыдущий раз.

Как прошел праздник? Да как всегда, то есть скучно. Были, правда, кое-какие увеселительные мероприятия. Водки и жратвы было достаточно. Но лучше было бы провести праздник на хорошей охоте, как я делал это всегда в гражданке, или в хорошей своей компании. А в военщине никогда никакие праздники хорошо не проведешь. А кроме того, как всегда, были всякие нежелательные эксцессы со стороны некоторых, не умеющих сдерживать свои страсти военных. Особенно плохого ничего не случилось, по крайней мере, до смерти никого не убили и не изнасиловали, уж и то ладно.

Вчера к нам приезжали несколько генералов, ожидая их, мы три часа простояли в строю. Вручали нам орден Красного Знамени, присвоенный нашему полку за действия в Карпатах, вернее, в предгорьях Карпат.

22 ноября 1944 года

С большим удовольствием прочел, вернее «проглотил», книжку "Моя разведывательная работа". Автор — Марта Рише. Французская летчица. Была шпионом-двойником в Мадриде. Замечательно живо написано, да и тема сама, конечно, захватывающая. Знакомясь с деловыми способностями этой женщины, я несколько раз вспоминал Лелю. Марта была, наверно, еще похлеще, но она, конечно, имела огромные возможности для

этого, и к этим возможностям она, очевидно, подошла не святым духом, а благодаря своим исключительным качествам.

Девятнадцатого (ноября) справили День артиллерии. В 12 часов ночи пушки нашего фронта (да, наверно, и на других фронтах тоже) дали по немцам порядочное количество залпов. В 7 часов утра, когда было еще совсем темно, канонада с нашей стороны, еще более сильная, повторилась. Было очень красиво смотреть. Немцы отвечали слабо. В общем, поздравили их с нашим праздником. Утром немного выпили. Днем ходил на охоту. Ничего не убил. Занес Вере письмо, всего несколько строчек, в котором изложил, что, пожалуй, следует закончить наши отношения. Ее не было дома, и я передал письмо через ее старшину. Попутно договорился со старшиной, что он приедет ко мне 21 числа (ему кое-что было нужно от меня). Я знал, что он мне привезет письмо от Веры. Так оно и получилось. Письмо ее было полно удивления по поводу моего решения и так далее. Я в коротенькой ответной записке повторил ей свои доводы и вернул ей ее письмо. А также пожелал ей всего наилучшего и написал, что у меня о ней останутся хорошие воспоминания. На этом пока что и закончилось.

Вечером 19 ноября наше командование собрало руководящий состав офицеров нашего полка. Было довольно весело, вернее, шумно, потому что спиртного было много, а пива надулись, сколько хотели. А вообще-то я такие сборища не люблю, предпочитаю интимную компанию, где веселость и приятное настроение создается не только спиртным, но и взаимной симпатией.

Последние дни часто охотимся на зайцев ночью с электросветом. Это хотя и не очень-то благородный способ охоты, но зато очень добычливый. Охотимся и на авто, и пешком. На авто, конечно, много легче, но это возможно не везде и не всегда. Если поля сухие, то хорошо. «Виллис» везде проходит. На машине это так: когда делается совсем темно, садимся двое или трое на «виллис». Один — за рулем, второй — рядом с ним с карабином наготове (с автоматом — хуже), а третий — сзади, он полезен, если машина все же где-либо застрянет, ну, и он же собирает убитых зайцев.

За селом включаем большой свет и, свернув с дороги, начинаем двигаться прямо по полям. Еще издали мы замечаем в свете наших фар пасущегося на поле зайца. Он поднимает голову, посматривает на нас, вернее, — на фары, но не убегает, а спокойно занимается своим делом или иногда залегает. Мы едем прямо на него и, приблизившись шагов на 20, останавливаем машину. Тот, кто сидит с карабином, бьет зайца всидячку.

Правда, мушку плохо видно, и работающий мотор сотрясает машину, но, приспособившись, можно бить почти без промаха.

Иногда бывают случаи, что заяц, попав в освещенную полосу, срывается с места, и стремительно несется прямо на фары, и останавливается в метре от радиатора. Иногда попадаются зайцы, не поддающиеся световому гипнозу. Они весьма энергично удирают от нас и успевают смыться. Но 85 % зайцев ведут себя так, как я описал в первом случае, и почти все они становятся нашей добычей.

Если охотник промахнется, то заяц зачастую не удирает, а, не торопясь, перебегает с места на место. Если же пуля заденет его по шкуре, то заяц срывается, и удержать его в свете фар уже бывает трудно. Иногда легко раненный заяц закатывает такой фокстрот, что со смеху можно лопнуть. Охотясь на машине на Кубани, наши ребята набивали иногда за 3–4 часа охоты до 40 штук. Здесь зайцев меньше, и ездить не так удобно, поэтому за час-полтора убьешь 4–6 штук.

Теперь поля развезло от дождей, на машине не проедешь, и мы приспособились охотиться без нее. Один таскает в мешке на плечах автомобильный аккумулятор, а к нему подключена фара, и этот же человек, держа ее в руках, освещает перед собой заячьи угодья. Другой идет рядом с ним с карабином наготове, а третий является сменщиком для таскания аккумулятора и убитых зайцев. Зайцы ведут себя так же, как описано выше, только, конечно, таскать тяжелый аккумулятор нелегко. За вечер убиваем 4 7 штук.

Зайцы здесь огромные, как собаки.

Однажды попался аккумулятор, подтекающий немного, и двое моих ребят пожгли себе на спинах всю свою амуницию. Еще одно интересное явление нужно отметить: иногда заяц даже ночью прячется в траве, и тогда его выдают только глаза: свет фары заставляет их отсвечивать ярко-красным огоньком, ну и целишь прямо в этот огонек.

26 ноября 1944 года

Одна дата чего стоит! Сегодня напился, как сапожник, и вскоре почувствовал себя дурно. В конце ноября в одной нижней рубашке ушел подальше от своей квартиры, и там вдруг почувствовал себя очень плохо, причем не физически, а морально. В чем именно плохо? А в том — для чего в дальнейшем жить? Решаю, что нет смысла, а поскольку так, щупаю свой правый бок, ищу пистолет, но — увы! — он остался в машине!

27 ноября 1944 г.

От польской самогонки почему-то совсем не болит голова на другой день после выпивки. Сегодня чувствую себя великолепно. Весь день прошел, как праздничный. Два раза выпивали, целый

день музыка. Погода сегодня — солнце, тепло, тихо. Завтра поеду в Жешув, Ланцуд и так далее — так просто, проветриться и купить кое-что по мелочи.

Вчера повстречались три казака: два из нашего полка, а один, кажется, из музвзвода. Что-то они маленько не поделили в отношении баб и водки. Результат встречи такой: одному перебили ногу из автомата (ногу сегодня отрезали), двое других бросились друг на друга с ножами, но их успели растащить.

30 ноября 1944 года

Вернулся из поездки. Вдоволь попили за эти дни хорошей водки, кроме этого, ничего интересного не было.

Наша дивизия с передовой снимается, очевидно, отойдем куда-то в другое место. Да, ноябрь пролетел незаметно. Завтра — декабрь, последний месяц этого года. Вряд ли этот месяц принесет какие-либо существенные изменения в ходе войны. Чего-либо капитального я жду в начале следующего года.

3 декабря 1944 г.

В полку большое оживление. Приказано подготовиться к большому маршу. Куда именно — пока не знаю. Выедем, может быть, сегодня ночью. Есть слух, что мы отправляемся на плацдарм, образованный нашими войсками за Вислой.

5 декабря

Весь день была пасмурная погода, хотя и не холодно. О том, что сегодня праздник, вспомнили только в обед, и то лишь потому, что выдали нам водку, что бывает только по праздникам. Под вечер сижу в своей машине, играю на гитаре. Вдруг появляется Вера. Не ожидал я, что она сама придет после того, как я написал ей о своем решении прекратить встречи. Она и сама себя ругает, так как думала до сих пор, что она гордая, а тут, говорит, абсолютно не могла совладать с собой и, вопреки всему, пришла. Не поленилась пройти три километра по размытым водой полям. Тем не менее я очень рад ее видеть. Приглашаю к себе в машину. Ребята, конечно, учтиво смываются. В машине тепло. Свет мы не зажигаем. Вера сегодня со мной еще нежнее, чем обычно. Поздно вечером проводил ее. Обещал прийти к ней 7-го, хотя сам в этом не уверен, мы должны выехать. Если мне удастся еще с ней встретиться, то, кажется, она будет покорена окончательно и, вопреки ее теории, будет моей.

7 декабря 1944 года

Вчера под вечер выехали. Всю ночь до утра затратили на преодоление отвратительнейшей дороги и взаимное ожидание. На одной из стоянок решили смотаться в г. Пшеслав за водкой, что и осуществили. Приехали всего километров за десять от того места, где стояли, в еще более грязную деревушку Портыня. От

передовой отстоим примерно так же, как раньше. До Веры (Домбье) отсюда километров семь, так что повидаться, пожалуй, будет трудновато. На машине совершенно невозможно проехать, пешком очень много времени надо, а лошадей у нас нет. Под вечер взял карабин и пошел на разведку в отношении охоты. Рядом — замечательный лес. Наверно, есть козы, но не видел. Поднял трех зайцев, но убить не сумел. Вечером пошел со своими ребятами бить зайцев по полям со светом. Нашли шесть штук. Три из них не подпустили нас, удрали, три подпустили на выстрел, и всех трех я убил.

8 декабря 1944 года

Нажарили целое ведро зайчатины с картошкой, достали водки, пируем. Заходил офицер связи, говорит, что числа 15-го начнется наступление на нашем участке. Ночью пришли «тридцатьчетверки» какой-то танковой части.

Маленький веселый случай у нас в полку. Наш полк вообще славится подобными случаями. Есть у нас две новые девушки-радистки. Одна из них, Рая, довольно хорошенькая. Так вот, эта Рая вчера ночью стояла на посту, а механик нашего танка, парень, правда, симпатичный и красивый, сумел ее уговорить и обработал прямо на посту. Но неудача получилась в том, что на них наткнулся наш начальник связи, капитан. Рае дали трое суток ареста. На механика велено его начальнику наложить взыскание. Интересуюсь, между прочим, как будут формулировать вину этого механика? Такой случай, кажется, даже в вездесущем воинском уставе не предусмотрен. Придется, видно, внести дополнение: "воспрещается е… часовых"!

Достали новую пластиночку: на обеих сторонах польские танго. Вообще, танго у них очень распространены, и они очень хорошие, такие мелодичные, грустные и нежные. Слова хоть польские, но смысл все-таки угадываем, он соответствует тону музыки. Когда слушаешь эти танго, то отнюдь не воспламеняешься военным пылом, а, наоборот, находит такая приятная грусть, вспоминается прошлое и мечтается о будущем.

9 декабря 1944 г.

До обеда проработал в батарее на пушке, а под вечер батарейные командиры зазвали меня к себе и устроили выпивку. Она получилась довольно капитальная: было много водки и большой ассортимент хороших закусок.

10 декабря 1944 года

До обеда работал. Часа в три отправился к Вере. Придя на то место, где она жила, узнал, что они уехали два дня назад и, оказывается, в то же село, в котором нахожусь сейчас я. В общем, судьба нам благоприятствует. Завтра спрошу у коменданта, где

они расположились, и схожу к ней. Погода испортилась. Заморозков нет. Грязь страшенная. Ночи исключительно темные. Дождь.

11 декабря 1944 года

Разыскал Веру. Целый день гуляли с ней по лесу. Погода была исключительная. В лесу и на небе — нежные печальные цвета поздней осени. Часа в 4 дня, то есть уже к вечеру, немец вздумал вести довольно интенсивный обстрел. Но это не оказало на нас никакого действия. Она сидела на разостланной под деревьями плащ-палатке, а я лежал, положив голову к ней на колени. Мы мирно беседовали, и она лишь вздрагивала, когда разрыв снаряда происходил довольно близко.

Штаб нашего полка в это же время попал в вилку: первый немецкий снаряд дал перелет, второй — недолет, а третий разорвался в 20 метрах от штаба. Но больше выстрелов не было, так что такая хорошая стрельба получилась у них случайно. А в штабе в это время как раз занималось много наших офицеров.

14 декабря 1944 г.

Сегодня целый день дует сильный холодный ветер и есть некоторый мороз, так что вся грязь замерзла. Наверное, уже не оттает. Думаю, что вследствие этого скоро будет возможность начать наступление. Вчера вечером ходил на охоту, убил двух зайцев. Вернувшись, попал на выпивку к батарейным офицерам. Одному из них привезли из Москвы подарок от жены: около литра чистого спирта, замечательный табак, папиросы и прочее. Все это, конечно, по фронтовому обычаю, мы ликвидировали сразу всей компанией.

Сегодня целый день, с утра и до 9 часов вечера, проводил экзамены в батареях, надоело чертовски, даже голова устала. Знания, в основном, все-таки удовлетворительные.

15 декабря 1944 года

Последние дни я все время нахожусь в батареях. Не знаю, чем уж заслужил, но факт налицо: все относятся ко мне с любовью и уважением. Это относится и к сержантскому, и к офицерскому составу. А между прочим, я отнюдь не придерживаюсь тактики завоевания "дешевого авторитета". Наоборот, очень многие из этих товарищей имели взыскания и прочие неприятности именно по моей протекции, и они хорошо знают об этом. Такое отношение со стороны большого количества людей мне чрезвычайно приятно.

22 декабря 1944 года

Установились морозики — градусов на 15. Снега нет. Перешел из своей машины в освободившуюся хату. Устроились очень уютно. В течение трех дней имел огромное удовольствие

заниматься чтением замечательной книжки: "Великий Моурави" А. Антоновской. Жаль, что это только часть третья и четвертая, значит, ни начала, ни конца. Ну, и то ладно.

Читал и восторгался и самой книгой, и авторшей. Ведь какую огромную работу проделала она, написав такой объемистый труд. Думаю, что для собирания всего исторического материала, приведенного в этой книге, ей понадобилось не менее 2-х лет. А с каким знанием и подробностями описывает она страну, людей и дела их — замечательно! Да, бывают же толковые женщины. Антоновская — из их числа. Я лично впервые встретил автора солидного исторического романа — женщину. Увлекательно обрисовала тип и деятельность Георгия Саакадзе — Великого Моурави, а кроме него, выведено еще несметное количество действующих лиц. В общем, хорошая книга.

Вчера в сарайчике на морозе смотрели кинокартину «Юбилей» Чехова замечательная штучка, посмеялись от души.

Вчера немцы вторично устроили артналет на наш штаб. Кругом него падали снаряды, но в самый штаб все же не попали. Только стекла вылетели вместе с рамами.

На фронтах что-то все затихло. Неужели не скоро еще наступит время решающих событий? Неужели и к весне 45 г. не развяжемся? Впрочем, аналогичные думы все переживают уже четвертый раз.

Написал и разослал всем дорогим и интересующим поздравления к Новому году. Таких посланий в разные концы страны получилось шестнадцать. Значит, через месяц имею шанс получить ответные.

29 декабря 1944 года

Канун Рождества, и первые два дня этого праздника провел вне части. Ездил со своим дружком в тыловые польские городишки — Жешув и другие. Основная цель поездки — провести время. На улицах и площадях городков полно празднично одетых людей, большинство — мужчины. Прямо зло берет смотреть на них — такие ряшки и сидят дома около своих баб.

30/XII

На днях наши войска завершили окружение будапештской группировки противника. В Венгрии организовалось временное правительство, выпустившее дружественный манифест. О действиях союзников что-то ничего хорошего не слышно. На нашем участке фронта чувствуется подготовка к ближайшему наступлению на немцев. Очевидно, через пару-тройку дней начнем. Мне придется в этом бою туго, потому что машины наши придали двум пехотным дивизиям, — значит, мне придется

носиться от одной группы к другой. Не знаю, выдержит ли моя дряхлая полуторка предстоящую интенсивную езду по бездорожью. А разделить людей на две группы не имею возможности. Во-первых, потому, что их всего-то у меня раз-два и обчелся, а во-вторых, не хватило бы соответствующих приборов и инструментов. Смотрел на карте расположение немецкой обороны. Две основные линии. Сплошные минные поля. Много техники. Масса полевой артиллерии. В общем, против нас силы у них большие — драка будет жаркая.

31 декабря 1944 года

Закончил сейчас чтение исторического романа "Салават Юлаев" Злобина.

Очень завлекательная книжка, толковая. Но предыдущий прочитанный мною роман, вернее, часть его, "Великий Моурави", произвел на меня более глубокое впечатление.

Итак, сегодня заканчивается последний день 1944 года. Через полчаса наступит Новый, 1945 год! Что же в нем будет действительно нового? В отношении своей лично персоны мне почему-то кажется, что предстоящее наступление, в котором наша часть будет участвовать, думаю, не более месяца, решит вопрос: остаться ли мне живым в эту войну или нет. Не удалось мне почтить соответствующей встречей наступление Нового года. Не обидится ли он на меня за это? Впрочем, так же было и с прошлым Новым годом, а между тем весь год прошел для меня довольно благополучно. Да и вообще я ведь не суеверен. Но все-таки немножко обидно, тем более, что вспоминаются прошлые времена "в гражданке". Какие бывали иногда удачные и веселые встречи! В приятной для тебя веселой компании. А еще я любил встречать Новый год на охоте. Ровно в 12 выпить, а затем дать дуплет в воздух — такой у нас был обычай.

1 января 1945 года

Встали поздно. Утром дали по сто грамм хорошей водки. Так что все-таки чокнулись за Новый год. Весь день посвятил чтению. Прочел книжечку В. Г. Короленко о его поездках по Лене до Якутска в 1880-х годах и его рассказы о бродягах, о побегах с. Сахалина, о дикой тайге и тому подобное. Прочел с большим удовольствием. Навеяла на меня эта книжка некоторые думы о себе самом, воспоминания… Вспомнились личные походы на Дальнем Востоке: в тайге, на речках, озерах и болотах, в камышах и сопках на Маньчжурской границе… Подумалось, что ведь и я, хотя и не в роли бродяги, но все же много уже пошлялся по белому свету. Много видел и испытал, и, наверно, трудно будет мне спокойно сидеть долго на одном месте, — все будет тащить куда-то вдаль!.. Такова уж отрава бродяжничества. Ведь сколько

всевозможных, совсем не похожих друг на друга мест есть на белом свете! Сколько везде своеобразных красот и прочих прелестей! Конечно, везде много есть и плохого, но ведь все же психология человека (по крайней мере, моя) устроена оптимистически, так что плохое как-то скорее забывается, а светлые воспоминания остаются дольше, и даже зачастую вспоминаются в более ярких красках, чем это было на самом деле. Вспомнилась моя неудачная попытка перейти на "полную оседлость". Впрочем, эта неудача от меня не зависела: всему виной война. Ну, а где бы мне хотелось жить? Ей-богу, не знаю! Мне очень многое понравилось и в Средней Азии, и на Дальнем Востоке, и на Кавказе, и на Кубани, и на Волге. На Украине мне не понравилось. Не был я еще на Крайнем Севере, а собирался, и мечтаю побывать. Один раз чуть было уже не нанялся — тоже война помешала. Из городской жизни мне больше всего симпатична ленинградская. Уж больно там неограниченное количество возможностей, делающих жизнь человека наиболее содержательной, полной, приятной. Понравился мне почему-то Новороссийск своим местоположением, то есть морем и окрестностями — я не против бы пожить в нем немножко. В общем, тянет во все места сразу, это, наверное, плохо: нигде не будешь сидеть спокойно, все будет тянуть тебя "куда-то вдаль".

Вот наверняка знаю только одно: ни за что не хотел бы я жить в любой загранице. Это знаю твердо. Но объехать все страны мира я очень хотел бы, скажем, в качестве матроса на пароходе советского торгового флота. Это тоже моя мечта. Если подвернется на это дело блат — с великим удовольствием пожертвую пару-тройку лет. Ну, а кем бы мне хотелось быть после войны, то есть, точнее сказать: чем бы мне хотелось заниматься? Много есть дум по этому вопросу, если писать об этом, то слишком длинно получится, а смысл был бы такой: точно — не знаю! Знаю только, что не хотелось бы мне после войны служить в армии. Главная причина этому — жить будешь не там, где тебе нравится. И потом мне кажется, что пребывание в армии действует на меня отрицательно в том смысле, что многие мои личные способности и качества зачахнут во мне, не будучи тренируемы. Эта обеспеченная, беззаботная жизнь, в которой не нужно личной инициативы и личных качеств, — не по мне. А взять хотя бы военные скитания, которые будут, конечно, и после войны. Я люблю скитаться, но одно дело скитаться по своей воле, то есть ехать туда, куда тебе хочется, а другое дело, когда это получается по приказанию, то есть поедешь туда, где тебе не нравится, или повезут тебя срочно оттуда, где тебе очень понравилось.

7 января 1945 года

Продолжаем находиться в Чермине. Стоим как раз на тракте, идущем к плацдарму за Вислой. Поэтому нам особенно заметны приготовления к крепкому удару по врагу. Днем на тракте почти пусто. Только изредка пробежит несколько легковых или грузовых автомашин. Зато, как только стемнеет и до самого рассвета, беспрерывным потоком идет к фронту наша техника и конные обозы. Всю ночь грохот стоит такой, что спать невозможно, несмотря на то, что я уж куда как крепко сплю. Интересно, как все оно получится. Мы будем на главном направлении. Мне кажется, что наш полк будет впервые участвовать в таком грандиозном ударе. Достанется, конечно, и нам — у немцев против нас силы тоже немалые.

10 января 1945 года

Вчера с огромным удовольствием смотрел картину «Ураган» — это из жизни на островах Южных морей. Кажется, это картина французского производства. Давно не видел таких картин, не связанных с войной, и поэтому она мне особенно понравилась. Именно такие картины и хочется смотреть на фронте. Но, к сожалению, нас чаще всего угощают картинами о войне. На кой черт это нам нужно?

За эти последние дни много культурных развлечений. Два раза был на выступлениях ансамбля нашей дивизии — тоже очень не плохо. А сегодня, так сказать, на прощанье, попал на очень хорошее развлечение: выступал ансамбль 60-й Армии. Замечательно. Хорошо подобраны люди — прямо один лучше другого. Особенно одна меня очаровала. Сама замечательная, а голос у нее просто исключительный.

После концерта пообедал и, усевшись за руль своей машины, тронулся в рейс. В тот район, откуда будем вести наступление. Проезжали через Вислу. Речушка — так себе, никакого впечатления. Может, это зимой так неприглядно.

За последние дни получил больше десятка писем, почти все от женщин, родных и знакомых.

Завтра вечером наши боевые машины тоже придут в этот район. А послезавтра, очевидно, НАЧНЕТСЯ…

02 часа 12 января 1945 года

Угостили меня в ремонтном взводе замечательным обедом и хорошей водкой. Затем выехал я в район сосредоточения наших боевых машин — село Бешево. Машины наши должны были прибыть в это село к 10 часам вечера. Я рассчитывал, что приеду в Бешево часов в пять. В этом селе должна находиться Вера. Думал, что буду иметь свободное время — повидался бы с ней перед боем — может быть, на прощанье. Однако это дело не

вышло по случайности: залетела машина в такую канаву, что почти легла на бок. Ребята мои посмотрели на это и упали духом. Ну, говорят, тут мы не выберемся, нужен тягач. Но я люблю следовать поговорке: "Терпение и труд — все перетрут". Только слово «терпение» лучше заменить словом «упорство». Так и в этом случае. Осмотрел, обмозговал все возможности и сказал: "Выберемся сами!" Ребята мои сначала очень неохотно стали выполнять мои приказания, очевидно, думая, что это напрасный труд. Но мало-помалу, видя, что дело хоть медленно, а начинает подвигаться, загорелись моими надеждами. И в результате трехчасового упорного и тяжелого труда мы выехали. Но к месту назначения прибыли только вместе с боевыми машинами. По приезде здорово разругался с зампотехом. Обложил его отборнейшим извозчичьим матом. Он, конечно, этого мне не простит, потому что душонка у него мелкая. Отомстить же мне он имеет полную возможность. Черт с ним. Итак, завтра начнется бой! Интересуюсь, каков он будет вообще и для меня в частности…

В этом бою Андрей Ковалевский был тяжело ранен. Здесь его дневник обрывается. (Ред.)